

Ирху

Жизнь Чингиза (Чингисхан)

Третий очерк

Майкоп - Белореческ
2013

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие

I. До 1182 года

1. Детство.....

2. Пленник жажды познаний.....

3. Столкновение цивилизаций.....

4. Встреча Чингиза-принца с Марией-пастушкой

II. До 1190 года

1. Подготовка к реформам.....

2. Конец духовной карьеры Чингиза.....

III. До 1210 года

1. История появления старо-монгольского этноса.....

2. Проведение реформ.....

IV. До 1214 года

Лукоморье, Кошачье Место и Создание Калмыкии.....

V. До 1223 года

Завершение реформ

VI. До 1227 года

1. В последний путь

2. Развязка

Приложение.....

Предисловие

В предыдущих очерках описывались события, в которых главными действующими лицами были несколько выдающихся людей далёкого прошлого. Третий очерк посвятим единственному герою – Чингизу: изложим биографию и общественно-политическую деятельность загадочной личности.

Хотя о Чингисхане и о его династии (последователях) написано и пишется много работ, но неразрешимые проблемы остаются. Это и его настоящее имя; и национальность (на него претендуют не только монголы); и место рождения. Неясно, какими языками он владел; и сколько и каких было детей: и их пол и кто их мать; и сколько имел жён; и с кем и насколько успешно воевал; и как объединял монголов: кнутом, пряником или тем и другим; и кто персонально были его заклятые враги и преданные друзья; и умерла или погибла эта уникальная личность; и где и как он принял смерть. И это далеко не полный перечень неясного в биографии Чингисхана. Впору ставить вопрос, кто прикрывался именем Чингисхан?

Полемизировать по поводу его настоящего имени, смысла нет – подойдём к этому вопросу с неожиданной стороны. У Чингиза было детство, и ему его товарищи должны были дать прозвище, особенно, если у него не было имени.

Под прозвищем он был известен всем монголам, а значит, оно могло стать «самым распространённым мужским именем в Монголии». Большинство мужчин в Монголии имеют имена: *Богатырь, Понедельник, Вторник, Среда и т.п.*, но в русско-монгольских разговорниках утверждается, что самое распространённое монгольское имя – **Бат**. Что значит Бат? И из какого языка оно взято? Может, последняя буква приглушена, что характерно для монгольской речи?

1. До 1182 года

1. Детство

Его детское прозвище – *Бат* (от *Бад*, по-тюркски *город, поселение*). Из поселений, которые наверняка были в XIII веке, всем известны АШХАБАД (Ашха-Бад?) и ИСЛАМАБАД (Ислама-Бад?). Это подтверждают сведения, почерпнутые из интернета:

1. Ашхабад. *В исторических источниках упоминается, что в III в. до н. э. на территории нынешнего Ашхабада по приказу Арсакидов была построена хорошо укрепленная крепость. Таким образом, началом возникновения города принято считать именно эту дату - середину III в. до н.э. Ведь многие города, насчитывающие более чем тысячелетнюю историю, были поначалу крепостями.*

2. Исламабад. *В 1493 году гахарский Джанда-хан заново отстроил на месте поселения Равал город, и дал ему название Равалпинди. Гахарское владычество продолжалось до ...*

Какой город выбрать, и каким образом семья Бата перебралась в Монголию? (Манги – по *Марко Поло*). Несомненно, этот вопрос интересовал Бортэ, и она могла оставить «языковой след». В книге Василия Яна (1875—1954) «*Нашёствие монголов*» утверждается, что «Отличительной особенностью дервиша было отсутствие собственности. Дервишу не подобало говорить, например, «*моя обувь*» или «*моё то-то и то-то*» — у него не должно было быть собственности, поскольку всё принадлежит Богу. Если же дервиш чем-то и владел, то он этим был обязан делиться. Если дервиш не жил в нищете, то он компенсировал это щедростью и гостеприимством, когда он готов был всё отдать своему гостю, не оставляя ничего ни для себя, ни даже для своей семьи...».

Очень интересная личность *дервиш* (der Wisch ?) – вылитый Чингиз! Надо заглянуть в немецко-русский словарь. Одно из значений глагола *wischen sich* – быстро удаляться, уклоняться. Примем значение слова *дервиш* как *быстро удаляющийся человек, уклоняющийся от встречи с земляками*.

Профессия отца Бата тоже интересовала Марию Бортэ. Чингиз не сообщил ей «секретное» сведение, и она ввела средневековую профессию – *адвокат*. Полученных фактов достаточно, чтобы выдвинуть наиболее вероятную версию:

Отец Чингиза был мелким чиновником в городе Ашхабад и занимался помощью людям в судебных делах. Успешная деятельность на этом поприще привела к накоплению в его руках богатств, несовместимых со статусом мелкого чиновника. Одновременно росло и число баев, обиженных судебными разбирательствами. Нависла угроза потери накопленных богатств, разумеется, вместе с головой. Отец Чингиза исчез из Ашхабада, прихватив с собой свои сбережения и сына. В ближайшем торговом городе он на все эти сбережения накупил верблюдов и провианта и двинулся на восток, прижимаясь к горам, в поисках безлюдного места, где можно было бы спрятаться от длинных рук сильных мира сего, точнее того – XII века.

Так он оказался в полупустынной малонаселённой местности, в самом центре современной Монголии, в точке, обозначенной стелой и принятой монгольским

народом, как место рождения Чингиза. На самом деле сыну беглеца было 6 - 7 лет (разница между альтернативными датами рождения Чингисхана).

Отец Чингиза приложил немало усилий, чтобы сын получил духовное образование, полагая, что это обезопасит будущего наследника огромного стада верблюдов от любителей присвоения чужого добра.

Ставши *послушником* одного из Тибетских *монастырей*, Чингиз придумал себе имя *Тэмээчин* (Тэмээ-ч-ин – означает *верблюдовод*). Вскоре *студенческий* друг дал ему прозвище *Тэмээ-Джин* (джин по имени Верблюд).

Подведём итог первым сведениям о Чингизе: Родился в 1155г. Отец – туркмен бежавший из Ашха-Бада и поселившийся в области *Манги* в 1162 г. Настоящее имя Чингиза, а также его отца – неизвестны. Прозвище Чингиза в детстве – *Бат*. В Тибетском монастыре его знали как *Тэмээчин*, а друг называл его *Тэмээ-Джином*.

Родной язык туркменский (тюркский), владел тибетским языком и языком хинди, куда был направлен для прохождения практики, как *студент* ламаизма, в 1180 году. *Студенту* было 24 года, либо 25 лет. В 27 лет, при удачной защите своего *трактата* по Индии, он должен был стать ламой.

2. Пленник жажды познаний

Ещё живя в монастыре, Тэмээчин стал задумываться над смыслом бытия, над социальной справедливостью и над своей ролью в Истории. Для служителей культа на Тибете это было в порядке вещей, но студенту не давала покоя мысль, как это практически осуществить. Он был молод и имел большой запас времени для реформаторских экспериментов над обществом людей, пожелавших на себе примерить новые порядки. С другой стороны он вступил на путь ламаизма, и *ему нельзя было вмешиваться в естественный ход ни общественных, ни природных процессов, чем бы они не грозили Земле вообще и человечеству в частности*. Самое многое, что может делать лама – давать советы обитателям планеты, не контролируя их исполнение. Познавать общество и природу можно и нужно, а вмешиваться нельзя.

Уже на этой стадии создания особого общества, будущий реформатор уяснил для себя, что общество должно быть изолировано от соседей, чтобы избежать внешнего влияния. Никакие искусственные границы ламами не признаются – остался язык. Надо создавать новый язык, понятный только для особого общества, содержащий слова, необходимые для контактов между членами общества. Замкнутость общества должна быть длительной – пока соседние народы не созреют *для понимания невмешательства в непонятные для них порядки*.

Не мешкая, он тут же приступил к созданию языка. Активно помогал ему друг *Ю*, который и наградил Тэмээчина прозвищем Джин-Верблюд за дальновидность и явно сверхчеловеческую затею.

В монастыре была хорошая библиотека, и Тэмээчин обстоятельно ознакомился с порядками у народа *Тибетской рабовладельческой империи*, Поднебесной империи (Китай), и у других народов, о которых была информация (Япония, Корея и пр.). Не было информации о далёком Западе, хотя туда плавали арабские суда, и существовал шелковый путь. Из-за отсутствия общего языка общения с Европейскими народами, книги и рукописи никто не привозил на Тибет. Служители монастырей и послушники не ходили в Европу, и ламы тем более – нельзя было

восседать на верблюде или плыть на корабле – только пешком, а дорога длинная и очень опасная.

Кончился курс теоретических познаний, и наступила пора практического познания общественного устройства народов планеты. Тэмээчин и его друг Ю, выбрали порядки у народов Индии. Выбор тем был небогатый и коллективный отчёт по практике приветствовался. Но буддийские порядки были уже хорошо изучены, а Европейские – нет, хотя арабские купцы торговали и в Индии, и в Европе и на Тибете.

Тэмээчин решил:

– Я хочу сменить тему моего отчёта на порядки в Римской Империи.

– А как же наша совместная тема по Индии?

– Сообщи на Тибет, что Тэмээчин просит заменить ему тему на «Особенности порядков в Священной Римской Империи».

– Завидую тебе. Об этих порядках достоверных сведений на Тибете нет. Но ты не успеешь обернуться туда-сюда до контрольного срока.

– Что-нибудь придумаю. Средствами поможешь?

– Нет вопроса, – свободные средства у Ю были, и он отдал их все.

Поговорив с капитаном арабского судна, Тэмээчин узнал, что у него недостаточно средств для поездки на судне. Но капитан предложил вариант – закупить товар в Индии и продать его арабскому принцу в Масуле – вырученных денег хватит и на поездку и на приобретение верблюда, чтобы не идти пешком до Константинополя, откуда можно морем добраться до многих городов Священной Римской империи. Всех нюансов поездки араб не мог рассказать – он с трудом изъяснялся на тюркском языке.

– Какой товар пользуется спросом?

– Пряности и гребни, – показал араб жестами.

Торговать друзья не умели, и в качестве пряности купили отходы чайного производства – не зелёные, а увядшие листья чайного дерева – как говорится, предпочли количество качеству.

– Отчаливаю, завтра утром, – предупредил капитан.

– Я поднимусь на судно до рассвета, сообщил Тэмээчин.

25-летний выпускник Тибетской школы, переодевшись в одежду бродяги, ступил с закрытыми глазами ночью на палубу торгового корабля. Студент понимал, что, ступив на корабль, он сильно рисковал своей духовной карьерой, но устоять перед получением важной информации было трудно.

Появление Тэмээчина на Ближнем востоке пришлось на начальную стадию функционирования единого торгового пути из Индии в Константинополь. До этого индийские и китайские товары попадали в Европу сухопутным путём через Среднюю Азию. Тюркские купцы контролировали отдельные куски маршрута, держа в тайне свой кусок дороги от всех людей не своего клана. В доставке до Константинополя участвовало несколько десятков эгоистичных посредников, и товар становился невероятно дорогим.

В конце XII столетия доставка товара судами стала повсеместно вытеснять сухопутный способ, ставший менее эффективным и рискованным. Арабские купцы закупали хлопок, шёлк, сахар и специи. Суда плыли вдоль побережья Аравийского и Персидского заливов и поднимались по реке Тигр до города Масул. Из этого города уже турецкие купцы доставляли товар сухопутным путём в Константинополь.

Арабский посредник *Самуил* в Масуле на Ближнем Востоке заменил длинную цепочку посредников Средний Восток – Константинополь и товары из Индии стали доступны рядовым покупателям в Европе.

Подешевели товары и Дальнего Востока. Но доставка без посредников оставалась пока несбыточной мечтой в силу незнания европейцами географии Азии: на портуланах XIV века всё ещё Персидский залив изображался вопросительно, а о существовании Каспийского моря европейцы не догадывались.

В 1180 году Тэмээ-джин сошёл с корабля в Масуле, расплатившись с капитаном, для чего гребни и расчески он продал Посреднику – арабу *Самуилу* (образовано от *Масул*). Так он должен был назвать этого араба по новой грамматике нового языка, если тот не сообщил своего имени.

Обогадив создаваемый им язык десятком новых слов, Тэмээ-джин с попутным караваном отправился в Константинополь через Эдессу, арендовав верблюда. Верблюд к удивлению студента оказался одногорбым, что создало проблему использования верблюда как транспортного средства и для себя, и для товара, утаённого от Посредника. Мучения стали невыносимыми, и Тэмээ-джин понял, что заболел. Ему пришлось задержаться в Эдессе, чтобы подлечить натёртое до крови седалище, а заодно достать животину, более подходящую, чем одногорбый верблюд, лучше всего коня – во всех местах, где он бывал, встречались различные породы этого животного.

Графство Эдессы возникло в результате первого крестового похода в 1095 году. Как христианское графство оно просуществовало до 1135 года, когда латинские государства Востока стали разваливаться под сокрушительными ударами турок. Во втором крестовом походе графство было освобождено, но турки не согласились с таким положением и накапливали силы для окончательного решения вопроса в пользу Османской империи.

Эдесса была наводнена османскими лазутчиками, и состоялась беседа Тэмээчина с одним из них – с далеко не второстепенной личностью. Османский лазутчик по запаху обнаружил у «бродяги» наличие контрабанды. Этот вывод был очевиден – раз студент прячет заморский товар, значит, он не заплатил обязательной пошлины Посреднику, и постарается с группой мусульманских паломников пробраться в Константинополь для реализации товара.

3. Столкновение цивилизаций

– Хорошо! – сказал незнакомец, бесцеремонно входя в комнату студента.

– Хорошо! – повторил студент, желая показать, что он не понимает тюркского языка.

Такое начало разговора врезалось студенту в память и будет им введено в язык кочевников в качестве обязательного вступления при обмене любой информацией.

– Я османский наблюдатель, наблюдающий за тем, чтобы приезжие не нарушали законов этой страны, – представился незнакомец в приличном наряде.

– Я плохо понимаю тебя, – ответил студент.

– Какой язык ты понимаешь? Я приведу переводчика, – предложил турок.

– Моего языка здесь никто не понимает, – начал студент, – Но я сносно изъясняюсь на тюркском.

– Кто сносно говорит на тюркском, тот не знает слова «сносно», – парировал османский *сановник*, – Ты кто?

– Я бродячий бедный студент из далёкой страны на Востоке; прибыл сюда для изучения общественных порядков в Римской Империи, – сознался студент.

– Нищие студенты не имеют верблюдов, а ходят пешком. Кроме того, в твоей комнате пахнет заморской пряностью. Если студент имеет товар и верблюда, то он, скорее всего, молодой купец, – язвительно заметил *сановник*.

– Нет, я, скорее всего, немолодой студент, – не согласился Тэмээчин, – А товар мне нужен для оплаты еды и пристанища. Это, надеюсь, не противоречит законам этой страны?

– Как тебя зовут? – спросил *сановник*, не реагируя на слова студента.

– Тэмээ-джин.

– А что это означает на твоём языке?

– Джин – это джин, а *Тэмээ* – это Camel, имя джина.

– Это имя подходит тебе, – согласился чиновник, оглядывая коренастую фигуру Тэмээ-джина, – Давай перейдём к делу. Ты нарушил закон, по которому каждый купец должен заплатить *пошлину*. Те, кто прибывают с востока, платят пошлину арабскому принцу в Масуле.

– Почему арабскому, а не османскому? – поинтересовался студент.

– Это самый богатый принц в нашем регионе. Я должен ему сообщить, что ты не желаешь платить пошлину.

– Какова *пошлина*, и какое наказание за её неуплату?

– Четверть всего товара. Наказание – долговая яма до получения выкупа соразмерного с пошлиной.

Студент задумался. Видно по всему, что порядок в Эдэссе есть, и чиновники строго следят за его исполнением. Четверть товара за привоз – это же настоящий грабёж!

– А можно сделать для нищего студента исключение? Ты возьмёшь моего товару по своему усмотрению, а мне разрешишь продолжить путь в Константинополь.

– О моей доле не беспокойся, но я не хочу ссориться с арабским принцем. Мне лучше будет отдать ему мою долю. Я – не торговец, – открыто заявил турок.

Оба задумались в поисках более приемлемого выхода из создавшейся ситуации.

– Что за пряность у тебя в котомке?

– **Цай** (китайский). Из него готовят напиток, который утоляет и голод, и жажду.

– Ты один решился на вывоз *цая* из своей страны, или ты командуешь группой?

– У меня есть напарник. Он остался у *хинди* (народность в *Индии*) с основной партией товара, – ответил молодой купец, желая придать вес своему делу.

– Вы проходили *таможню* на въезде в *Хинди*? – *сановника* интересовали все детали.

– Нет, мы *это не проходили*, – ответил студент, не знавший ничего о существовании *таможен*. (Впоследствии, преподаватели придадут слову *проходили* значение, противоречащее элементарной логике).

– А по какой дороге вы двигались? – этот вопрос больше всего интересовал османского *сановника*, желавшего выведать дорогу в *Китай*.

– Дороги нет. Мы двигались по тропам паломников.

– Какой ты догадливый? – искренне изумился турок, – Небольшое количество очень дорогого товара они пронесли в толпе паломников! Вот почему ты даже не знаешь, что такое «таможня»! Скажи, а корабли в твою страну ходят?

– В моей стране нет морей и нет судоходных рек.

– Другого ответа трудно ждать от настоящего купца, – с уважением заметил *сановник*.

Подумав немного, чиновник решил сделать встречное предложение:

– Хорошо, предлагаю тебе своё участие в твоём деле, но будем действовать по моим указаниям – ты ещё молод и неопытен в купеческих делах. Беру на себя всю финансовую часть общего дела. При дележе доходов никто в накладе не останется.

Тэмээ-джин, взвесив все «за» и «против», ответил:

– Хорошо.

– А что ещё представляет интерес для торговли?

– Там растёт дерево *хина*. Из него получают *хинин*, которым лечат *лихорадку*.

– Будет запасным вариантом, если *прогорим* на *чае*, – решил турок-коммерсант.

Поселившись на окраине Константинополя, пара новоявленных бизнесменов приступила к разработке плана организации спроса на *чай* у европейской аристократии.

Тэмээ-джин умел заваривать чай только по Тибетски, с бараньим жиром и солью, но, после долгих экспериментов, они нашли новый способ заварки чая – со сливками, и придумали чаю название: *тээ* из *Хина/Чайна*: государство, где растут деревья, дающее *хинин* и *чай*.

Турок взял солидный кредит, и с помощью Чингиза сочинил легенду, позволявшую посещать богатые замки Европы с целью презентации там благородного напитка *тээ* (*ти*) из Хина (Чайна). Зная языковые различия, турок заявил:

– В одних странах будем говорить *тээ* и *Хина*, а в других – *ти* и *Чайна*.

– Итак. *Камелино* – Гость с Дальнего Востока, а я ...

– Османский *сановник* – вставил студент.

– Его переводчик, владеющий турецким, итальянским и языком Гостя. Отец *Камелино* – герой Крестового похода, из народа ...

– *Suom*, – немного подумав, сказал студент.

– Живущего на берегах малоизвестной реки...

– *Нева*, – не раздумывая, заявил напарник, который знал город Венецию.

– Дрался храбро и получил титул принца, дающий право представлять свой народ при дворе короля. Во время неудачного штурма крепости Дамаск, отец *Камелино* попал в плен, был продан в рабство и увезён далеко на Дальний Восток. Там отца женили ...

– *На боригенке*, – придумал студент с присущим ему юмором.

– И она родила мальчика *Камелино*. *Камелино* наследует титул своего отца и к нему надо обращаться – *Суомский* принц.

– Принц подрос, и отец помог сыну бежать, дав на дорогу много листьев *тээ/ти*, растущего в саду их повелителя. Из листьев *тээ/ти* можно приготовить благородный напиток *тээ/ти*, почитаемый во всём мире. Небольшого количества *тээ/ти*, сыну хватило, чтобы арабские купцы доставили его в Константинополь, где за порцию *тээ/ти* *Камелино* нанял меня в качестве переводчика. С вашего

позволения, *Суомский* принц собственноручно приготовит *тээ/ми*, чтобы вы оценили великолепиие напитка.

– Может, кто из вас знает, где проживает народ *суом* или где находится река *Нева*?»

Легенда как легенда: 100% вымысла, а остальное – правда. Турок умолчал, что напарник к порции *тээ* добавил обещание наладить *тээх* (поставку) чая из Индии, и что *Тэмээ-джин* написал соответствующее письмо своему другу на тюркском языке, а турок взял безадресную записку, решив, что *джинами* величают не всякого у *хинди* и найти друга *джина* возможно.

Более того, турок предупредил студнета, что если тот попытается обмануть своего компаньона, то пусть пеняет на себя: османский чиновник не простит его и потребует компенсации понесённого ущерба – возвращения денег, взятых в кредит.

– А откуда взято имя *Камелино*? – спросил Чингиз, боясь разоблачения.

– Из старого греческого. Но ты не беспокойся. Там где мы будем, этого языка не знают и знать не хотят.

На расспросы об общественном устройстве Византийской империи турок отвечал неохотно. Правда, заметил, что отшельники в ней имеют государственную поддержку: каждый из них ежедневно бесплатно получает вечерний кусочек чёрствого хлеба.

Византия процветала, но её закат был неизбежен. Вникать в общественное устройство обречённой империи не имело смысла. *Тэмээ-джин*, ввёл в монгольский язык слово *хонь* (бараны), воспользовавшись словом Константинополь, и обратил свой взор на Европу.

Константинополь для стран Средиземноморья исторически был поставщиком экзотических продуктов Востока и предметов роскоши. Спрос на эти товары со стороны европейской аристократии постоянно рос, и купцы разных стран, вплоть до Новгородской Земли, торговали с Византийской столицей – Константинополем. Но на первом месте продолжала находиться Италия, ведущими портами которой стали Венеция, Пиза и Генуя.

Купеческие гильдии северных городов Италии вместе с консулами, представлявшими городскую аристократию, восстали против сеньориальной власти владельцев замков (герцогов, баронов, королей) и с 1162 года Фридрих I Швабский, известный, как Барбаросса (Рыжебородый) приступил к уничтожению коммун.

В самый разгар этих событий, оказавших влияние на умы политических деятелей последующих поколений, *Тэмээ-джин* вместе с упомянутым турецким чиновником, владевшим итальянским языком, в начале 1181 года прибыл на корабле в Венецию.

Рекламу чая, как и договаривались, начали с северных городов Италии. На презентациях изысканного напитка *тээ/ми*, которые устраивал переводчик в домах и купцов, и всевозможных вельмож из замков, *Тэмээ-джин* бормотал тихо слова изобретённого им языка. Этим языком ещё никто в мире не владел, и позабыть новые слова было легко.

Турка очень интересовало местонахождение реки Невы – он хотел вытеснить компаньона из доходного бизнеса. Впрочем, река могла и не существовать, тогда следовало прижать Гостя, когда тот попытается ускользнуть. Что такое случится, турок сделал вывод из поведения напарника, которое можно было расценить, как желание в удобный момент исчезнуть из поля видимости турецкого компаньона. Османский чиновник поделился своими опасениями с итальянскими коллегами.

Сообща сделали платный запрос в библиотеку Флоренции: название малоизвестной реки обнаружилось в книге ... на шведском языке. Срочно организовали поиск шведского коллеги, владевшего итальянским языком.

Весной 1181 года в библиотеке во Флоренции собрался узкий круг «коммерсантов»: по одному представителю от Северной Италии, Османской империи, королевства Швеции и будущей Монголии с целью «вывести Гостя на чистую воду». При неудаче задуманного мероприятия планировался буквальный смысл приведённой фразы – помочь добраться Гостю до родных берегов.

Молодой Тэмээ-джин понял, что попал в серьёзную передрыгу и решил честно отвечать на вопросы, которые поступали сначала от шведа к итальянцу, затем от итальянца к турку и только потом к нему. В качестве неподкупных судей выступили работники библиотеки.

Вопросов было много, но главный был один: назвать место, где жил когда-то отец. Гость ответил, что он знает это место как *суом*. Швед тут же разоблачил Гостя. Место оказывается не *суом*, а *саам*, и оно вдали от Невы, на которую «глаз положили» Новгородские купцы. И ещё: гость, хоть и рождён от *аборигенки* из *Чайны*, но сохранил не только черты лица лопарей, но и их манеру – бормотать себе под нос!

Швед заявил, что берёт на себя все расходы по покупке коня и сопровождению *Суомского* принца к шведскому двору через немецкий порт Росток, там он вызовет военный корабль (торговый корабль принц мог объявить своим). Ему было ясно, что шведский король обязательно заинтересуется прошлым новоявленного принца, и придётся искать родной дом Гостя вблизи берегов Невы – место глухое и болотистое – может, действительно, туда сбежала семья лопарей.

Турок, после перевода ультимативной помощи шведа, добавил, что итальянцы согласились передать дорогого Гостя на попечение шведов, но с одним условием – гость должен изобразить маршрут, по которому он прибыл из *Чайны*. Работники библиотеки тут же принесли всё необходимое для такой деятельности, разрешили пользоваться всем, что есть в здании, но настоятельно «советовали» не покидать библиотеку ни днём, ни ночью. От Османской империи просьб не было – *сановнику* было не так жалко Чингиза, как ускользнувшей мечты. Всплывала трудноразрешимая проблема: оплата взятого кредита. Всё же турок посоветовал нищему студенту не забывать о кусочке чёрного хлеба, полагавшегося отшельникам.

Тэмээ-джин упорно трудился и по памяти нарисовал карту, включающую Тибет, Монголию и Пекин, хотя в последнем он никогда не бывал.

Карта ошеломила работников библиотеки во Флоренции настолько, что они её засекретили и выдавали заинтересованным лицам за большие деньги без права копировать. Используя ЭТУ карту, *Марко Поло* пройдёт все города, помеченные на ней, и попадёт в *Пекин*, изображенный Тэмээчином. Только ровно через 250 лет португальским картографам разрешат выкупить творение Чингиза. Габриэль Валсеки пристроит его к делу. (Эти утверждения, как и многие другие, основаны на сведениях, почерпнутых из книги «История Европы». Изд. «Высшая школа», Минск, 1996).

За время работы студента швед заказал платье принца, сшитое ОДНОЙ ниткой, и приобрёл коня. В начале марта 1181 года Тэмээ-джин сел на лошадь, подаренную шведом, и поскакал на север Священной Римской Империи, ведомый шведским

дипломатом. Бежать куда-либо не было смысла: в Священной Римской Империи на турецком языке не разговаривали, а про лопарей (саами) не слышали. Впрочем, Тэмээчин не горел желанием искать родственников.

Прибыв вечером в Шверин, швед знаками объявил, что это будет последняя ночёвка в Германии. Швед выдал принцу платье и объяснил жестами, что его надо будет надеть завтра, когда придут в Росток. Но утром швед не смог отыскать нового приобретения шведского королевства. Долгие поиски оказались безрезультатными – лопарь как сквозь землю провалился. Операцию по поиску семьи исчезнувшего лопаря не отменили. Наоборот, шведы стали в длительной перспективе проявлять повышенный интерес к Неве. Новгородские купцы тоже – по понятным соображениям – чего это вооружённые шведы рыщут вблизи границ Новгородского княжества. На всякий случай передвинули свою границу немножко на запад, включив реку Неву в своё княжество в 1478 году, а заодно и все земли далеко на север от этой реки.

Тэмээчин ночью шёл строго перпендикулярно направлению на Росток, которое показал, ему швед. За неделю он одолел более ста километров и оказался вблизи немецкого города Киль, направление на который составляет прямой угол с направлением Шверин – Росток.

4. Встреча Чингиза-принца с Марией-пастушкой

Тэмээчин решил избавиться от влиятельного покровителя и вернуться на Тибет в свой монастырь, иначе ему грозило наказание за двойное нарушение этических норм: плавание на корабле и пересечение границ Священной Римской Империи – объекта своего исследования. Понимая, что искать его будут в первую очередь по маршруту прибытия, студент двинулся в северном направлении в пограничную область Империи, где надеялся отсидеться среди отшельников. Большие надежды возлагал он на государственную поддержку – вечерний кусочек чёрного хлеба. Что такая льгота существовала только в Византийской Империи, турок ему не сообщил.

Отшельников он искал на окраине посёлков, не заходя в них, так как очень боялся собак. Город Киль располагался на северной окраине Священной Римской Империи, а, значит, был предельным пунктом в поисках отшельников. Здесь Тэмээджин решил остановиться и начать жить так, как должны жить отшельники в его представлении. Из сухого валежника соорудил лежанку, а из веток – защиту от дождя. Своё нехитрое сооружение студент построил на опушке леса вблизи тропинки, ведущей в Киль, так что немецкая прислуга, обходящая отшельников, должна была заметить пополнение в их рядах.

Тэмээчин всё своё время тратил на поиски пищи, а спать ложился после обеда в тёплое время суток. В результате голодной жизни молодой парень ослаб, но по привычке напевал считалку собственного изобретения: **талх-малх-чихэр-мухэр...** (хлеб-млеб-сахар-махар...). Реальной стала перспектива умереть с песней на устах на севере Германии – молодой организм требовал много энергии для поддержания своей жизнеспособности в холодные мартовские дни и ночи.

Для поиска беглеца шведский дипломат нанял немецких глашатаев, которые призывали всех искать заблудившегося принца. К принцу не разрешалось подходить близко и вступать с ним в разговор. Следовало, когда принц расположится на отдых и уснёт, подойти к нему и убедиться, что на нём платье принца, сшитое единой

ниткой без разрыва. Нашедшему Суомского принца, сына знаменитого Героя из народа Саами, обещалось щедрое вознаграждение из казны короля Швеции. В случае обнаружения подделки под принца, шутников ждало наказание: с них снимали *портки* и *пороли* их. *Пороли* по швам – наказывать физически граждан чужой страны шведы не могли. Голые шутники, получив распоротые *портки*, убегали домой, под хохот толпы довольных зевак.

Однажды вечером, студент был разбужен. Парень открыл глаза на вечернего гостя – перед ним стояла, девочка с явным желанием доест оставшийся кусочек чёрного хлеба, который она держала перед уже открытым ртом. Чтобы остановить это преступное намерение двадцатипятилетний студент протянул руку и потребовал:

– **Талх** (хлеб).

Немецкая девочка, её звали Мария, не удивилась, увидев лежащего на палках молодого человека в изысканном наряде – прошла неделя, как новоявленные Суомские принцы, дети знаменитого Героя из народа Саами, стали появляться в окрестностях Киля – иногда по несколько штук за вечер.

Мария была пастушкой (помощницей пастуха) и регулярно курсировала по маршруту город – стадо. Она приносила пастуху питьё и незамысловатую еду. В этот субботний вечер она пришла, чтобы надоить бидончик молока для своего младшего *Geschwister*.

Доить в воскресенье было грешно, хотя коровы от этого страдали, поэтому никто из соседей не возражал, чтобы пастушка вечерами, в субботу, доила себе молоко.

В пятницу девочка днём натолкнулась на лжепринца и заявила во всеуслышание о находке принца. После последовавшего за ним позора, Мария захватила с собой зеркальце, на случай, если шутники действуют кампанией. Она снова пошла за город (надо было пастуху отнести еду) и на окраине города снова увидела принца, который убежал, как только девочка направила солнечный зайчик на его глаза.

В эту субботу на окраине города принца не было, и Мария спокойно добралась до опушки леса, не спеша надоила молока, время от времени отпивая его через край бидончика, и пошла домой, с опаской глядя на коряги, некоторые из которых в опускавшихся сумерках пугали девочку своими очертаниями. Для храбрости она держала в руке кусок чёрного хлеба, не доеденного при дойке коров.

Вдали, на самом краю опушки Мария увидела лежащего человека. Она подошла к Тэмээчину в полной уверенности, что это очередной шутник морочит людям голову. Да, с виду можно принять и этого человека за принца, тем более, что никто в Киле никогда не видел принцев вообще, и Суомского в частности. Сначала девочка внимательно осмотрела платье принца – оно было сработано безупречно. Парень лежал на спине, притворившись спящим, чтобы огрехи шитья не бросились в глаза глупой девчонке. Вооружившись двумя палками, Мария с трудом перевернула шутника на живот – «притворщик» никак не прореагировал на такое непочтительное с ним обращение. Девочка бегло пробежала глазами по стежку шитья – не может быть! Тогда она, не веря своим глазам, стала на ощупь проверять стежок на наличие узелков, внимательно наблюдая за своим пальцем.

Проверка закончилась, но Мария не могла поверить в чудо: Суомский принц не исчез, используя *боевые приёмы саамского колдовства* – он лежал у её ног! Первым порывом было бежать в город и всех оповестить о появлении Суомского принца. Большое вознаграждение, почёт, уважение и многое другое ей было

обеспечено, возможно, на всю жизнь! Остановила мысль об исчезновении чуда ночью – пока она обернётся туда-сюда, опустится ночь.

Пришла другая мысль – зачем кому-то отдавать принца? – это её принц. Она его нашла, подымет его на ноги, и у тринадцатилетней девочки появятся определённые права на Суомского принца! Торжествующий вопль вырвался из её груди. Этот вопль и разбудил мертвецки спавшего Тэмээчина.

Он проспал уже более суток и был на пороге вечного сна, то есть стоял одной ногой в могиле: студент лежал обратив лицо к небу, как, в случае прощания с жизнью, того требуют не писанные правила лам.

Мария напряжённо наблюдала за принцем: тот снова перевернулся на спину и строгим изучающим взглядом стал осматривать всю её, начиная с босых ног. Она застыла в ожидании неминуемого наказания от своего принца. Принц обязательно должен наказывать – иначе, какой он принц! Принц протянул руку – у девочки отказали ноги, и она не смогла попятиться. Принц тихо сказал:

– **Талх** (хлеб), – потом осторожно взял **НАДКУСАННЫЙ ЕЮ КУСОЧЕК ЧЁРНОГО ХЛЕБА И С ЖАДНОСТЬЮ СЪЕЛ**. Это тянуло как минимум на неоспоримый знак внимания со стороны принца, а возможно и наследного принца! Она не понимала, зачем это нужно принцу, если он действительно принц.

– **Талх** (хлеб), – повторил Тэмээ-джин, принявший девочку за прислугу разносящую отшельникам государственную поддержку.

Слово *талх* было знакомо Марии (так звучит на слух слово *Talg* – масло для смазки технических деталей). Девочку осенило: её принц где-то услышал детский анекдот. Но предложение интимной связи, сделанное таким способом, скорее рассмешило Марию, чем напугало. Это слово указывало на неопытность принца в любовных делах. Девочка фыркнула:

– *Früh*, – окончательно поверив в свою судьбу – судьбу избранницы принца.

Изредка такие судьбы будут встречаться в Истории. Вспомним Асоль из романа Грина «Алые паруса». Там вся загвоздка была в алых парусах, которые можно было заказать. В случае Марии, заказать платье принца было нельзя. Его сшить было трудно, а за правильно сшитое платье принца, сделанное не для принца, полагалась «смертная» казнь: с портного, с «принца» и с человека, нашедшего принца снимали и пороли портки.

Девочка была уверена, что принцы, хотя и понимают язык простонародья, но изъясняются на благородном языке вельмож. И она решила воспользоваться случаем, чтобы освоить этот язык. Но принц не захотел простолюдинку приобщать к благородному сословию, а предложил создать новый, секретный для окружающих язык общения. Она называла слова по-немецки, а их благородие наделяло произнесённое слово каким-либо смыслом. Часто студент предлагал и свои слова, и правила новой грамматики.

Девочка проявила невиданное старание в овладении секретным языком и довольно скоро перешла из роли ученика в роль разработчика пока ещё не существовавшего монгольского языка!

Мария кормила своего принца «королевской» едой, в которой хлебу места не нашлось, и слово **талх** Тэмээчин больше не произносил. Лето пролетело быстро. Обиходные слова секретного языка были усвоены. На новом языке студент поведал о жизни людей на Дальнем Востоке, впрочем, эти рассказы воспринимались девочкой скорее как сказки для детей.

Наступили холода, и Мария переселила студента в городок *Киль* на сеновал. Она получила разрешение отца, занимавшегося ветеринарной практикой, на время пригреть *колдуна*, оказавшегося в безвыходном положении. Здесь, на сеновале они начали устанавливать между собой контакты.

К этому времени Мария уже знала, что при первой их встрече студент говорил *талх* (хлеб), а не *Talg*. Но ей нужно было, чтобы парень попросил хлеба, который не являлся «королевской» едой. Девочка стащила из дома, где прислуживала угрюмому, одинокому, всеми забытому, старику, кадку мёда и притащила её на сеновал.

– **Талх**, – попросил принц, облизывая палец, которым зачерпнул и отправил в рот увесистую порцию лакомства.

Студент понял, куда клонит девочка и взял инициативу на себя.

– Давай знакомиться, – предложил Тэмээчин.

– Меня зовут Мария, – сказала Мария и попыталась сделать реверанс.

– Это тебя так другие называют – заметил студент, – Давай дадим друг другу свои имена. Посмотри на меня. Ты кого видишь?

– *Цин-гиис-Khan* (*хан* из династии Цин), – с усилием, но твёрдо ответила Мария, – А короче, Khan.

– Ты хорошо запомнила мои рассказы о China, – заметил студент, – Но я не хан. И какими именами ты меня нарекаешь?

– *Чингисхан* и *Хан*, – ответила Мария. Для неё произносить [ч] и [х] было боле привычно, чем [ц] и [кх], соответственно.

Чингисхан надолго погрузился в свои размышления:

«Она уверена, что я китайский *хан*, несмотря на мои многократные «нет» – подумал он – «но в таком случае мне не удастся построить счастливое общество кочевников, если она там окажется».

«От девочки надо бежать при первом же удобном случае, хотя она и спасла мне жизнь. А что мне делать со словом *Чингисхан*? Введу в обиход слово **чи** (ты), а уже введённое **та** (ты) будет вежливой формой обращения. Для множественного числа оставляю старое **та нар**. А из неё получилась бы заботливая мать для моих будущих детей, – подумал студент, – но с Марией придётся *расплатиться её же монетой*».

– Теперь моя очередь. Кого я вижу? *Hirtin-ээ* (свою пастушку), – заявил студент.

– Ура, – радостно закричала Мария, – Я придворная пастушка!

– Подожди радоваться, – предупредил студент, – Я дам тебе и второе, запасное имя.

Парень прижал к себе Марию, которая стала слабо сопротивляться. Она отвернула лицо. Тогда парень потёрся щекой о её щёку.

– **Хиртэнээ** (*замараемся*), – расслабляясь, смущённо прошептала Мария,

– **Хиртэнээ** – это второе твоё имя, – торжественно объявил Чингиз. Он воспользовался словом, **хирт-** (мараться) образованным Марией - пастушкой от слова *Hirt* (пастух).

– Это имя мне не нравится! – заявила Мария и стала ломаться

– Ты сама его попросила, – заметил Чингиз, – Потом мы поменяем свои имена, а пока я *Хан-Чингисхан*, а ты – *Hirtinee-Хиртэн ээ*.

Мария гордо отвернулась и о чём-то задумалась. Чингиз лёг на спину.

– *Hirtin-э-э-э* (Мою пастушку-у) – негромко позвал Хан

Ответа не последовало.

– **Хиртэн ээ** (Замараемся!)

Мария оглянулась и бросилась на парня. Она решила положить его на лопатки, хотя тот уже лежал на спине.

– **Тэвчэх Хан байна би төрмөөр** (Ну, Хан, держись, я хочу забеременеть) – с азартом заявила его будущая жена.

«**Гарахгүй** (не получится)» – подумал студент и решил оставить Марию девицей.

Уже на следующее утро Мария пошла к священнику и уговорила повенчать её с *колдуном*. Пастор заметил, что сначала надо принять *дикаря* в *веру*, крестить.

Хотя будущему ламе не запрещалось принимать какую-либо веру, но Тэмээчин воспользовался подвернувшимся случаем и «вышел из игры». Улучив момент, он сжёг платье принца и покинул Киль.

Мария затаилась и тайно последовала за Суомским принцем, когда тот отправился по своим делам. Она понимала, что без своего платья принц оденется под нищего. Другого ничего ему не оставалось. Она же не могла советовать принцу, и даже первой вступать с ним в беседу. Тэмээчин, изучивший Дойч от Марии смог вернуться обратным путём. Себя он называл – *der Hader*. Судя по значению этого слова, он не одинаково воспринимался в разных местах своего маршрута: вначале, на севере – оборванец, а потом – спорщик. Спорили о происхождении имени *Гадера* – *Камелино*. По мере приближения к Греции споры становились жарче и доходили до потасовок.

Греки, увидев воочию подземного бога Hades, не возражали против такой подмены, но имя *Камелино* воспринимали как провокацию Рима. Весть о *Гадине Камелино* обгоняла Тэмээчина, и к его приходу готовились. Чаше Чингисхану удавалось обойти стороной встречные посёлки, но пару раз разговор на кулаках был и был он не в пользу студента. Отказаться от имени *Камелино* Тэмээчину было нельзя – он искал встречи с османским *сановником*. Он чувствовал себя должником перед компаньоном, а жить с непогашенным долгом не принято, тем более будущему ламе.

Конец 1182 и начало 1183 года Мария потратила на тайное сопровождение Hader-а до Константинополя. Там четырнадцатилетняя девочка увидела, как какой-то турок, явно поджидавший её принца на въезде в Константинополь, потребовал деньги с принца, а у того их не оказалось.

– Я уже перестал надеяться не встречу с тобой. Надо подвести итог нашему мероприятию, – и турок достал свои записи, – С тебя ... много!

– А мой друг не доставил очередную порцию **цая**? – наивно возразил Тэмээджин.

– Помню, помню о твоём друге. Друг джина и мой друг. Передали твою записку нашему Тибетскому другу. Пока наш друг не доставит обещанную тобой партию товара, тебе придётся подождать в этом прекрасном дворце.

По знаку *сановника* вышли двое охранников и Тэмээджина бросили в подземелье (тюрьму).

II. До 1190 года

1. Подготовка к реформам

Долгие три года Чингиз провёл в византийской тюрьме. Он провёл глубокий анализ всего увиденного и услышанного за трёхлетние контакты с представителями различных народов: арабский принц, турецкий чиновник, итальянские сеньоры - владельцы замков, шведский дипломат, немецкая пастушка, бродяжий люд (германцы, сербы, греки). Впитал в себя все, замеченные им достижения европейских народов: грамотное летоисчисление, порядки в итальянских коммунах, производство бумаги и рукописные книги, праздность относительно свободных слоёв населения и их тягу к зрелищам, и т.д. Все эти достижения европейской цивилизации нужно было использовать при создании новых порядков у нового, своего народа.

Но больший интерес представляли негативные приложения к Западной цивилизации: стремление к мировому господству и подавление инакомыслия, бесконечные войны, походы крестоносцев, религиозная нетерпимость, двуличная христианская мораль, многоязычие внутри Римской Империи, слабые по сравнению с античной культурой географические познания всего общества, примитивные представления о Солнечной системе и многое другое. Этот груз приложений ни в коем случае не должен проявиться в его стране ни при его жизни, ни после – никогда.

Будущий реформатор трудился и над созданием нового языка, но отсутствие бумаги или напарника быстро остановили это творчество. Зато был прогресс в конструкции будущего жилища будущего народа. Им стала известная сегодня многим посетителям Монголии монгольская юрта (**гэр**). Она станет стержнем реформ Чингиза – бесплатное жильё в обмен на принятие нового уклада общества: нового языка и новых порядков. Чингиз посчитал: что, чтобы обеспечить жильём десять тысяч семей нового общества, надо построить предприятие, производящее по две *гэр* ежедневно. Десять тысяч *гэр* такое предприятие произведёт за 16,5 лет. Значит, реформы надо провести за двадцатилетие – время замены поколения старого общества на новое. Чтобы предприятие стабильно работало в долгосрочной перспективе, бесплатное жильё будет получать каждый молодой человек, достигший 27-летнего возраста, имеющий жену или хотя бы невесту. Был определён срок службы *гэр* – 27 лет. Если возраст мужчины не будет превышать 81 года, то этот человек будет проживать последовательно в трёх *гэр*.

Анализ показал, что свободное владение человеком арифметическими действиями в пределах 10 000, создаст благоприятную обстановку в обмене любым товаром, а также при любом учёте людей и благ. Реформатор дал слову **түмэн** два значения: *десяти тысячный (түм-эн)* и *бесчисленное множество*. В то же время, **Ард түмэн** впоследствии получит единственное значение: *народ – естественно, это число семей его народа на начальной стадии реформ. Ему придётся считать человеком только людей мужского пола, как это было принято в средневековой Европе*. По-другому он не мог поступить, не поссорившись с принципиальной немкой Марией – своей женой. Слово **түмэн** Чингиз позаимствовал у Марии, которая русскому слову *тьма* придала второе значение – *десять тысяч*. От *тьма*

Мария произвела и *Тмутаракань* (русско-немецко-монгольское предложение, образованное от «тъм у Тага Khan-ии»), слово, которое, при определённом подходе, следует понимать как *свои 10 000 колонизаторов*.

Много времени и труда было затрачено реформатором на конструкцию *гэр* (монгольской юрты), которую женщина в одиночку должна будет полностью разобрать за 2 часа и вновь собрать её на другом месте тоже за 2 часа. *Гэр* устанавливалась, устанавливается и будет всегда устанавливаться хозяйкой *гэр* до полудня. Такое требование вытекало из условия: Мария Бортэ не должна будет знать, что *монголы кочевой народ* – к цыганам-кочевникам у неё было предвзятое отношение (она считала их *romanisch* – римским народом, скатившимся до воровства и попрошайничества). Со своей женой Чингиз путешествовал по кочевью только после еды в полдень, когда ни одна *гэр* не перевозилась по кочевью, и никто не собирал *гэр* в новом месте.

Сконструировал он и монгольское верхнее платье *дэли*, очень удобное для верховой езды, особенно в холодную ветреную погоду. Меньше времени заняли вопросы: чем питаться населению; что ему пить и откуда; какой состав семьи (сколько в ней жён и сколько мужей); какие обязанности будут нести её члены при решении внутрисемейных проблем; На многие вопросы отвечало понятие *гэр бүл* (семья). Первое слово взято из немецкого языка – Herr (господин), а второе из русского – *булгар*.

2. Конец духовной карьеры Чингиза

Чингиз ни на минуту не сомневался, что *преданная подруга* вызволит его из долговой тюрьмы. Поэтому он не удивился, когда к нему в тюрьму явился турецкий чиновник и заявил, что *Ясская княжна Мария* внесла за должника выкуп – королевскую карету из чистой меди. Он собирается всю карету пустить на выплавку медных монет. Чтобы хоть как-то компенсировать неудобства в долговой яме, бывший напарник по коммерции подарил Тэмээ-джину два породистых жеребца для предстоящего далёкого путешествия с *подругой*. Если *подруга* нужна напарнику как пятое колесо телеге, то можно организовать фиктивное похищение *Ясской княжны*, для богатого арабского принца, перед которым, собственно говоря, и был небольшой должок у бывшего компаньона.

Освободившись от Марии, Чингиз совершил небольшую сделку – у арабов обменял обоих жеребцов на *отару* породистых овец - *мериносов* и погнал их в Манги, разумеется, с попутчиком (напарником), в сторону *Ашхабада* – родного города своего отца. Но напарник сказал, что в *Баде* делать нечего. Лучше отогнать отары в горы на высокогорные луга, а осенью спуститься в Фергану и там продать всё, включая молодняк. В горах Чингиз попросил напарника отпустить его на пару месяцев, пообещав расплатиться приплодом от своей отары.. Явившись на Тибет реформатор успокоил *Ю Аня*, начавшего тревожиться за своего пропавшего друга. Тэмээ-джин попросил друга не торопиться с защитой, раз уж оба вышли за контрольный срок, и рассказал товарищу о приобретённых мериносах. Затем Чингиз вернулся на Тянь-Шань и погнал отару овец в место, где стояла *хата* его отца - *верблюдовода*. Покончив с личным делом, студент вернулся на Тибет получать духовное звание.

На Тибете друзья устно отчитались в проделанной работе и сдали в *комиссию* письменные трактаты. Устный отчёт Ю и его трактат всем понравились, и его работу можно было выставить на защиту хоть завтра, как образец работы высокого уровня. Трактат Тэмээчина вызывал двойное чувство – духовный уровень был невысок, а вот что касается информативности, то она зашкаливала. Для получения необычных, возможно правдивых, сведений студент пошёл на двойное нарушение этики. *Комиссия* не смогла определиться насколько существенно нарушение, и Тэмээчину велено было подождать. Тэмээчин приуныл, но его снова поддержал друг. Ю подал просьбу в *комиссию* отложить защиту своей работы и рассмотреть её вместе с работой Тэмээчина тогда, когда *комиссия* сочтёт это необходимым, мотивируя просьбу тем, что они сдружились и хотели бы получить распределение в один район, разумеется, если им удастся успешно защититься и получить духовное звание.

Самопожертвование было редким явлением, и поползли слухи о якобы существенных нарушениях, но ценность работы у Тэмээчина будто бы такова, что ему могут дать очень высокое духовное звание, такое высокое, что язык не поворачивается вымолвить.

Ждать можно было долго – и год и много лет. *Комиссия* на Тибете была одна и собиралась, когда сочтёт это необходимым. И вопросы рассматривала те, которые сочтёт важными. У *комиссии* было основание не торопиться. На Тибете появился человек с запиской к другу *джина Тэмээ*. Человек говорил, что этот друг живёт в *Чайне*. *Чайну* никто не знал, но человеку сказали, что в одном из *монастырей* учится друг *Тэмээчина*, и записку можно отдать в любой из монастырей. Вскоре записка оказалась у членов *комиссии*.

Записка была подана на расшифровку. Но никто не мог понять, что в ней написано. «Не понял» и Ю, к которому обратились – он схитрил, сказав, что *джина* по имени *Тэмээ* не знает.

Практически в это же время у ограды *монастыря настоятели* заметили незнакомку со смуглым мальчиком, о чём доложили Чингизу – *выпускнику* из стен монастыря. Будущий реформатор решил не выходить за ограду, а отсидеться за стенами монастыря – спешить ему было некуда.

В конце 1188 года Мария со своим годовалым сыном отбыла из Масула на корабле, плывущем в Индию, имея солидный запас денег на *карманные* расходы. В пути она экономно расходовала золотые монеты, больше уповая на помощь людей – её везде принимали за брошенную кем-то молодую женщину с ребёнком.

Больше года Мария, руководствуясь слухами, добиралась до монастыря, где находился Чингиз. Слухи исходили от арабов - торговцев, снабжавших Тибет разными товарами. Но и такая информация не была бесплатной – за неё приходилось платить *звонкой монетой*. Непосредственно от служителей монастыря невозможно было получить необходимую ей информацию, поскольку эти учреждения являются закрытыми для посторонних лиц.

Нужный монастырь достался дорогой ценой, и Мария стала караулить его днём и ночью в надежде увидеть своего принца, который, как она поняла, решил к титулу Принца добавить ещё и духовное звание.

Затянувшуюся неопределённость с двумя выпускниками Тибетской школы ламаизма разрешило происшествие – в монастырь доставили палки без веток анара.

Кто-то лишил настоятелей ценного сырья. Монастырь провёл расследование, в результате которого в Комиссию поступила докладная записка:

«Студент Тэмээчин дружит с Ю, который знает, где растёт *анар*. Они смогут перерабатывать сырьё вне стен монастыря. Это будет полезным для Тибета».

Защита работ Ю Аня и Тэмээчина вызвала неподдельный интерес у членов Комиссии. Особенно хвалили работу Тэмээчина, предрекая ей будущий успех. Глава Комиссии выступил с заявлением, что, несмотря на нарушения этики, на которые Комиссия закрывает глаза, Тибет будет и впредь оказывать своему выпускнику любое содействие в пределах возможного. Район распределения Тэмээчин может выбрать по своему *усмотрению*.

Комиссия довольная тем, что удалось разрешить неясное дело с анонимной запиской и кражей *анара*, встала и вышла, забыв присвоить духовное звание и Тэмээчину, и Ю Аню, который, несомненно, мог его получить, если бы не докладная записка от настоятелей монастыря..

Чингиза не сильно расстроил *вердикт Комиссии*, поскольку он сам был виноват во многих эпизодах. Более того, у него был достаточно богатый отец – верблюдовод, которому нужен был не духовный наставник, а грамотный преемник – хозяйственник. Быстро собравшись в обратный путь, Тэмээчин зашёл к другу, чтобы узнать о его планах на будущее. Ю Ань был в подавленном состоянии – его ждали на родине только в духовном звании. Получается, что он подвёл тех, кто оплатил его обучение.

– Друг, ты меня выручал, а теперь настал мой черед. Пойдём со мной – я тебе уже подобрал такую работу, что скучать не будешь, – Чингиз сделал лестное предложение своему другу.

– Что за дело, расскажи подробно, – воспрянул духом Ю.

– Я решил создать общество подобное тому, с которым познакомился в Священной Римской Империи, применительно к кочевому народу и с теми нововведениями, которые придут мне и тебе в голову.

И Тэмээ-джин ввёл Ю в суть предстоящих реформ.

Фундаментальность проекта завораживала, и Ю согласился на предложение друга, не выставив каких-либо условий и не давая ненужных обещаний.

У выхода из монастыря их поджидал *Лунг*:

– Какая несправедливость! – воскликнул он, – самым умным студентам не присвоить духовного звания! Зачем вообще надо было учиться столько лет? Затратили уйму денег и всё *кобыле* под хвост!

Друзья остановились в ожидании продолжения речи.

– Может это связано с похищением *арнага*? Так я сообщил *настоятелям*, что *арнаг умыкнул араб*, и теперь ищи ветра в поле. Мне поверили, заплатили за палки, но выгнали с работы. Может у вас найдётся работа для бедного коммерсанта?

– Я сам нанялся на работу к Тэмээчину – у него богатый отец, – ответил Ю.

– Возьмём в компаньоны *Лунга*? – спросил Чингиз у друга.

– Нет, – отрезал Ю.

Лунг знал причину отказа и просительно взглянул на Чингиза:

– У меня есть деньги для вложения в твой бизнес, Тэмээчин.

– Представляю, какие деньги могут быть у коммерсанта, устраивающего *игу* по поводу и без повода, – проворчал Чингиз, – Сказано *нет*, значит – нет!

Друзья бодро двинулись в дальний путь, а за ними, не выпуская их из виду, плёлся *Лунг* в подавленном настроении.

Мария, лёжа на камне, увидела вдали трёх путников. Она стала готовиться к *пикантной интриге* и, держа за руки трёхлетнего сына, опустила малыша на выступ, чтобы тот оросил *скалу*. Но, увидев среди путников своего хозяина *Лунга*, Мария срочно подтянула к себе ребёнка, взяла сына на руки и, как ни в чём не бывало, с интересом принялась разглядывать трёх путников.

Друзья подошли по нужде к большому камню и носом учуяли, что на камне кем-то написано. Они стали изучать писанину – нет, чтобы голову поднять! А *Лунг*, подбегая, закричал по-тибетски:

– Я первый увидел *рабу* с ребёнком. Это моя добыча! Теперь будем делиться – *раба* (Raber) вам, а ребёнок мне. Я найду его отца, и получу большой вы...

Не успел *Лунг* закончить мысль, как его *рабыня*, не понимавшая по-тибетски, харкнула и прицельно плюнула, да так, что попала *оратору* прямо в *рот*!

– Ну вот, ты свою добычу получил – осталось двое, – изрёк Чингиз, изумлённо рассматривая свою *Пастушку*, невесть откуда взявшуюся и зачем-то забравшуюся на огромный валун, – Теперь надо подумать, кому *рабыня*, а кому её сын.

– Это не её сын, – заметил Ю, рассматривая незнакомцев: обоих он видел впервые, – *Рабыня* белая, а сын у неё смуглый. Кто она?

– *Вороона* (Raber, хэрээ) – посмотрев себе под ноги, неожиданно по-русски ответила сверху *рабыня*, предлагая своему принцу продолжить создавать новые слова. Она объединила слова: *в, ОРО, она* в одно *вороона* и взглядом показала на камень.

– *Вааран* (в форме вазы), – поправил Тэмээ-джин Марию, поскольку слову *вороона* нет места в новом языке.

– Что означает *ваар*? – поинтересовался Ю на монгольском языке.

– Новое понятие. Она сообщает о форме камня, – ответил Чингиз.

Воцарилось молчание. *Лунг* вообще не понимал, о чём идёт речь. Мария ждала предложений от её *Хана*, а Чингиз ждал, как отреагирует его друг на появление третьего человека владеющего новым языком. Ю размышлял:

«Друг мог бы предупредить, что он завёл себе напарника. Но, похоже, напарница свалилась как *снег на голову* – это оправдывает Тэмээ-джина».

– Предлагаю дать *Воронька* мне – я с ним быстро женюсь на какой-нибудь смуглой красавице. А без ребёнка девушке будет легче выйти замуж.

А потом Ю, подмигнув другу и добавил:

– Может и на тебя чумазого клюнет, если улыбнёшься, и перестанешь на неё *таращиться*.

Раба улыбнулась словам Ю, но не ответила, а вопросительно взглянула на своего *Принца*. Речь Ю она поняла! Было радостно – от того она ему и улыбнулась. И ребёнка отдала бы ему, но пока не торопилась – она ждала решения своего будущего мужа. Что это был её *Принц*, она догадалась до того, как тот открыл рот.

Чингиз же понял всё, и он решил простить свою немецкую *подругу*. Решение далось легко – прошло три года после расставания, и Мария могла образумиться. Чингиз вздохнул:

– Ладно. Чего уж там. Возьму своего сына ...

Не успел он договорить, как Мария сунула ему ребёнка, оставаясь на камне. Чингиз поставил сына на землю и спросил так, как спрашивала когда-то его *Пастушка*:

– *Pi-pi гэж байн уу* (Пи-пи хочешь?).

Затем встал во весь рост и подмигнул белой *Вороне*. Та только этого и ждала – прыгнула с высокого камня в объятия Тэмээ-джина, да так, что оба повалились на землю.

Сколько тут было радости, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Даже *Лунг* скупую слезу из себя выдавил.

Находясь под *эйфорией*, они стали втроём держать совет: принимать или не принимать в компаньоны *Лунга*. Ю сказал своё:

– **Алга** (нет).

Мария, вспомнив, с каким достоинством *Лунг* проглотил плевок своей *рабыни*, проголосовала:

– **За** (да), – введя русское слово в монгольский язык.

Чингиз, немного поразмыслив, вымолвил:

– **Тиймээ** (да).

Большинством голосов *Лунг* был принят в дело. *Лунгу* объявили о принятом решении, и тот воспрянул духом.

Но Ю решил настоять на своём и предложил:

– Не обучать *Лунга* нашему языку, пока тот сам об этом не попросит.

– Резонно, – заметил Чингиз, опережая Марию.

– Как хотите, – произнесла *подруга*. Она всё ещё считала Чингиза своим Принцем, которому нельзя возражать.

– Даём друг другу имена, – перешёл Тэмээ-джин ко второму вопросу, – Начинает *раба*.

– *Хитрый*, – предложила Мария, показав пальцем на Ю *Аня*.

– **Хит**, – упростил Тэмээ-джин новое имя своего друга.

Хит продолжил церемонию:

– **Тэнгис** (Море) – предложил Хит титул, ниже самого высокого **Далай** (океан) и показал пальцем на Тэмээ-джина.

– **Чингиз** (из твоих), – Чингиз вернулся к титулу *Из [династии] Цин*, предложенному Марией несколько лет назад.

Наступила очередь Чингиза:

– **Бортэ** (со смуглым), – сказал он и показал на Марию. Никто не возразил.

– *Луна*, – Чингиз придап имени *Лунг* уважительную форму.

– **Унэгхан** (*лисий*), – не согласился Хит.

Но упрямая Мария решила не уступать будущему конкуренту:

– **Pop Ivan**, – выпалила Бортэ, указав пальцем на *Луну*, и добавила, встретив удивлённые взгляды, – Это по-французски.

– У нашего компаньона три имени: *Луна*, *Унэгхан* и *Поп Иван*, – подытожил Чингиз и пошутил:

– Он самый **богатый** (мелкий скот) среди нас.

– А теперь давайте сложим наши деньги в *общий котёл*.

Больше всех денег оказалось у **Унэгхана**, меньше у **Бортэ**, ещё меньше у Чингиза и совсем мало у **Хита**.

Так в начале лета 1190 года был сделан первый практический шаг в двадцатилетнем процессе создания Монгольского кочевья.

Бортэ изо всех сил пыталась помочь Чингизу в проведении его реформ, не скрывая, что желает быть первой в этом деле, не забывая об интересах и её мужа Великого князя Всеволода Большое Гнездо. Чингиз умело блокировал такие попытки жены вмешаться в проведение реформ, которые были бы губительны для его детища. В конце концов, Бортэ покинула поле сражений, устроив на прощанье скандал.

Для осуществления своего замысла, она придумала слово *каникулы*. Жена Чингиза приглашала в Монголию Бориса и своего ленивого сына Джучи помочь прибраться в юрте. Сын на такой призыв своей мамы ответил спустя 3 месяца фразой: Борис явился в декабре 1213 года серьёзно больным. Потом, через год сообщил, что он отправил своего друга Бориса на лечение к своей жене.

Получалось, что сын разлучен с женой, и молодые больше года живут далеко друг от друга. Её сын не смог вылечить Бориса и отправил его к своей жене. Эта информация разрушала всё, что говорил ей муж. Он лгал!

– Хан! Требую объяснений! Что ты сделал с моим сыном?

Чингиз отвернулся.

– Считаю до десяти. Не будешь отвечать – уеду и мы больше никогда не увидимся.

– **Нэг, хоер, гуров, ..., ёс, Scheiser!** (Раз, два, три, ..., девять, *засранец!*) – чеканя каждое слово, говорила Бортэ, глядя с презрением в затылок своего мужа.

Бортэ стала медленно собираться в неблизкий путь. Чингиз наблюдал за ней, молча, ни на что не надеясь.

Жена вышла из юрты, оседлала коня и поехала в сторону дворца Унэгхана – ей нужны были деньги на дорогу. Пришлось ехать и Чингизу, чтобы выдать Бортэ необходимую сумму. О предстоящих расходах он знал:

– Твой сын в неволе, – произнёс Чингиз, глядя с жалостью в затылок жены, – Ни я, ни ты ему не сможете помочь – ему никто не сможет помочь, потому что он не хочет помощи.

Бортэ не оглянулась – жребий был брошен. Слова Чингиза она запомнила, и это помогло ей в будущем избежать неприятностей.

Посещение дворца, денежное обеспечение и расставание – всё проходило молча.

Прощание было мучительным для обоих – муж и жена сидели на своих конях и смотрели в противоположные стороны. Они перебирали в памяти прожитую жизнь и молчали – им нечего было сказать друг другу. Солнце стало клониться к закату, и Бортэ тронула коня вслед уходящему светилу.

По настоящему она прощалась у памятника *мужскому достоинству*, выразившего любовь кочевников к своему Арату. Каменное изваяние оказалось на пути её следования. Она стояла до темноты, любуясь произведением искусства и повторяя навязчивую идею:

– **Воробышик** (в ОРО бы – шик)!

Стемнело. Мария, вооружившись твёрдым камнем, неистово била по реликвии, пока та не разломилась на два куска и *осколки* (о сколько!). Потом она взяла маленький кусочек себе на память о Монголии и усталая, но довольная отмщением, продолжила долгое возвращение на историческую Родину.

Впоследствии, Чингиз пошлёт послание Бортэ, оповещая её о своей очередной женитьбе в надежде получить от неё хоть одно слово, но жена ему не поверит и не ответит.

III. До 1210 года

1. История появления старо-монгольского этноса

За несколько веков до начала реформ Чингиза к северу от Поднебесной произошло *слияние местных племён воинственных кочевников с тибетцами*, массовый наплыв которых вызван был страхом перед армией Императора Поднебесной.

Старо-тибетский этнос канул в прошлое после жёсткого ответа Поднебесной на захват и разграбление тибетцами богатой Южной провинции Китая. Нечто подобное, но не столь грандиозное, было и в нашей истории «... отмстить неразумным хазарам – их сёла и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам» (А.С. Пушкин). Тибет был наказан за свой *снобизм*.

В древнем Китае никто из его жителей не имел права строить высокий дом, выше дворца императора. Если до Его Ушей доходила весть о нарушении указа, то посылалась армия, и разрушалось жильё. Человек мог отстоять своё жильё, разгромив нападающих – в таком случае он автоматически становился Императором Поднебесной. Тибетцы жили в горах и все имели жильё выше дворца Императора, чем во всеуслышание гордились.

Границы между возвышающимся Тибетом и Китаем не было, но тибетцы не боялись могучего соседа – объявление Тибета частью Поднебесной создавало неприятную проблему с высотой жилых домов.

Тибетец, организовавший грабительский набег на Поднебесную, объявил себя Императором и создал новую династию. Ему резонно заметили, что разграбленные богатства вывезены за пределы империи. Надо эти богатства вернуть себе, а для этого требуется объявить места, куда вывезены сокровища, частью Поднебесной. С остальным справится армия.

Следствием неразумного поступка тибетского *лидера* явилось стирание с лица земли всех жилищ на Тибете. Монастыри не являются жилищем человека, и армия Императора обходила их стороной.

Старые общественные структуры были разрушены, а новые ещё не сформировались. Тибет вообще мог обезлюдеть, если бы не буддийские монастыри, которые не испытали карающего меча Поднебесной.

В результате слияния народов стоявших на разных ступенях общественного развития, за несколько веков сформировался новый этнос – назовём его старо-монгольским – со своим старо-монгольским языком и старо-монгольской письменностью.

Племена дали основу народностям, каждая из которых выдвигала вождя; те в свою очередь выбирали *Предводителя*, которому для отличия от других знатных лидеров полагалась *корона с орнаментом*. В задачу *Предводителя* входило справедливое распределение пастбищ между народностями. Решение этой задачи

сопровождалось стычками и потасовкам. Масло в огонь подливало китайское *лобби*, находившееся на содержании Поднебесной.

Образовалась *знать* – наиболее активная и богатая часть внутри каждой народности. Народности, из среды которых часто выбирали *Предводителя*, получали определённые привилегии, которые закреплялись. То есть появились черты *кастового* общества.

2. Проведение реформ

Ознакомление с порядками, царившими в Священной Римской Империи в конце XII столетия, позволило Чингизу организовать новое общество, оказавшееся более устойчивым к воздействию внешних и внутренних разрушительных сил, чем все известные государственные образования того времени. Новый уклад и новый язык за короткое время, около 20 лет, привёл к появлению нового типа кочевника, известного как монгольский арат.

Чингиз имел особое право в созданном им укладе – право исправлять и корректировать действия любого чиновника или арата и давать им инструкции, при условии, если те обратились за помощью. В Монголии этот уклад называют **Ахуй нутга** – почти дословно: *(от) Старшего брата кочевью для переселений*.

Чингиз не был лишён юмора. От старо-монгольского уклада он оставил три вещи: имена Тибетских божеств и каменные идолы, название дней недели и старо-монгольскую письменность. 1. Старо-монгольскую письменность реформатор навязал *монгольским ламам*. 2. Имена Тибетских божеств унесли буряты с остатками старо-Тибетского уклада, а каменных идолов, в добровольно-принудительном порядке, вывезли *калмыки* на личных верблюдах Чингиза. 3. Тибетские названия дней недели он продублировал порядковыми номерами, а двум дням дополнительно дал игривые названия: *хороший день (сайн өдөр – воскресенье)* и *наполовину хороший день (хагас сайн өдөр – суббота)*.

Роль Чингиза в организации и руководстве новой государственной машиной не следует преувеличивать. У него было много добровольных помощников и друзей, а новой государственной машиной Чингиз, вообще, **не руководил** – для этого он создал малочисленный аппарат чиновников в крупных городах Кочевья, экономически зависимый от местных аратов. На **Хуралы** и **Их Хуралы** приглашались *уважаемые* кочевники, но их роль сводилась к одобрению решений, подготовленных *городскими чиновниками, переодетыми в одежду арата*.

Кому принадлежала *власть*, в нашем смысле слова *власть*, в оригинальном образовании Чингиза? Судьям, монгольским ламам и людям, уважаемым по **Ахуй нутга**. Судьи проявляли власть во время судебных *разбирательств*, ламы – при ответе на вопросы кочевников и при написании и прочтении писем неграмотных кочевников. Уважаемый арат – когда гость заглянет к нему *на огонёк* – ночи в Монголии очень тёмные. А также на **Хурале (хурал)**, если его пригласят на очередное заседание *исполнительного* органа.

Раньше оповещали народ с помощью **хуур** (монгольский музыкальный инструмент) и стрел **хүрд** (?), указывавших на число приглашённых и направление на **хурал**, который был в каждом **аймачном** городе. Сегодня кто-то кого-то приглашает или никто никого не приглашает – где - как. Но в доброй половине **аймаков хуралов** нет (по официальным сведениям). Регулярно функционирует **Их**

Хурал в столице, которую раньше называли **Урга** (растущая), а ещё раньше – **Хурэний**.

В невыгодном положении оказались горожане – их не приглашали, поскольку они *не могли быть уважаемыми кочевниками*. А как быть, если ОНИ собирали Их Хурал, когда появлялась потребность в *исполнительной власти*? Пришлось примерять на себя *дэли* (одежда кочевника).

А *куралтаи* – эти грозные властные органы? Судя по названию, они не могли быть на территории Монголии. С хозяйкой *курултаев* познакомимся в другом очерке. Замечу только, что, когда *курултай* посетил Александр Невский, то по возвращении, изрёк о своей наречённой фразе: «**Огуль-Гаймиш** *такая, что не приведи Господь*». Частью этой фразы мы пользуемся и сегодня, не вникая в смысл слов, сказанных Александром Невским.

IV. До 1214 года

1. Лукоморье, Кошачье Место и Создание Калмыкии

Чингиз решил объединить решение двух проблем в одном походе: отселить подальше Попа Ивана и «не перевоспитавшихся». В Хара-Хорине накопилось множество людей, которых местная власть не собиралась забирать назад. *Отказникам* следовало предложить далёкое отселение и свободное там проживание. Опрос показал, что многие, ради обретения свободы, согласны были уехать навсегда со своей семьёй и своим скотом. Соглашались и на сотрудничество: замену *нарочным* казённых лошадей на своих.

Но на свободные земли рассчитывать не приходилось. Выход – обмен на соответствующую площадь Монгольского кочевья. Для этого планировалось выделить часть земли Республики, чтобы поселить там другой народ на договорных, доверительных началах, гарантируя ему равноправное проживание без какого либо вмешательства в любую сферу деятельности.

Определённую трудность представлял неприметный, в целях безопасности, механизм передвижения людей и скота на тысячекилометровые расстояния. Следовало подумать и о способе ликвидации этой дороги по завершению встречного переселения людей.

Путь каравана, на участке от озера Балхаш до низовий Волги, был достаточно прямолинеен с единственной водной преградой (р. **Урал**) и проходил по границе степной и полупустынной зон внутри современного Казахстана. Эти места в то время населяли кочевники, которых называли по-разному. Кыпчаки – одно из названий кочевого народа. На юг от выбранного маршрута располагались пустыни и озёра. Они были бы серьёзным препятствием для переселенцев.

Ещё южнее были места населённые оседлыми народами, родственными кыпчакам. В этих местах протекала более активная жизнь: торговля и войны, созидания и разрушения, интеграция в султанаты и распады на города-государства. Но для дороги специального назначения многочисленность не подходила.

Севернее маршрута была степь, которую кыпчаки делили с оседлым народом – татарами, жившими не только в степи, но и далеко на север от неё: практически на всём пространстве бассейна реки Оби и её притоков. Там со слов Батыя «большие

равнины и нет там жилья, ни городов, ни замков, но славные там пастбища, большие реки и воды там вдоволь».

Деление Степи на северную татарскую и южную кыпчакскую долгое время не было зафиксировано ни устной, ни письменной договорённостью.

Граница носила временный характер: каждая из сторон не оставляла попыток перекраивания границы в каком-нибудь месте в свою пользу. Это с одной стороны приводило к внутренней консолидации из-за боязни потерять Степь, а с другой стороны порождало недоверие друг к другу и необходимость держать вооружённые отряды для отстаивания своего права на тот или иной участок бескрайней территории.

Наступит момент в Истории, когда эта неразрешимая проблема уйдёт на второй план, и немисливо витиеватая граница застынет. Народы, перестанут уделять границе внимание. Но вычурная, взаимно неудобная, форма границы сохранится и после небольших «уточнений» превратится в государственную границу между Россией и Казахстаном.

Подобрав необходимое число помощников из своих единомышленников, Чингиз вместе с Попом Иваном и его людьми, отправился на далёкий Запад. В отряде были также 50 первых переселенцев из Хара-Хорона с юртами и семьями. Некоторые переселенцы по настоянию Чингиза перевозили на верблюдах каменных идолов своего племени.

Был и двадцатичетырёхлетний сын Чингиза **Джучил** (путешествуй), больше известный как *Джучи*. Предложение, принять участие в походе, отец сделал в присутствии Бортэ, напомнив той, что она хотела, чтобы сын женился только на иностранке. Крыть жене было нечем.

Караван двигался из Хара-Хорина, через Монгольский **Алтай** (**Алттай** – с золотом) на реку Чёрный Иртыш.

В день преодолевали около 30 км. После каждого дневного пробега лошади (80 – 90 км), а на это уходило трое суток, ставилась юрта и в ней оставалась одна семья переселенца. Одновременно вперёд уносился отряд Чингиза с целью поиска места для следующей юрты. Сделав полсотни таких переходов, они достигли места, где Чингиз решил заложить первый посёлок для временного размещения будущих переселенцев, преодолевших долгую дорогу.

Запланированному посёлку было дано название Мухор (от **мухар** – тупиковый). Здесь оканчиваются места, пригодные для кочевания в любое время года. Дальше идёт пустыня *Рын Пески* (от татарского *урын песи* – *Кошачье Место*). Две реки текущие с Урала, оканчиваются озёрами, из которых вода уходит по подземному стоку.

Не давая *Унэгхану* возможности даже осмотреться, Чингиз, оставив своего сына и часть строителей, снова отправился в путь, выслав вперёд разведку. Отряд пересек пустыню в западном направлении и остановился на выходе из пустыни, в глухомани. Это место все обходили стороной из-за воды, и поэтому оно было безлюдным. Нет, вода была, текла из множества родников, но во всех она была горькая, противная на вкус, даже после кипячения.

Впервые за время путешествия Чингиз подошёл к Унэгхану и сказал:

– Это место называется Сайхин (от **сайхан** – красивый). Здесь делай лагерь для своего временного уединения. В посёлок – название написано на бумаге, – и он протянул листок бумаги, на котором было написано *Бисен* (от **бичсен** – написано), –

Может приходить твой посыльный для получения и отправки писем. Переписка, как договорились, не запрещается, но будет проверяться. Для питания оставляю дюжину баранов.

– Хоть что-то, – проронил отселяемый.

– Некоторое время строители будут заняты и я тоже. Как освобожусь, найду подходящее место, и там сможешь строить себе дворец. Строителями и мясом будешь обеспечен. За порядком на стройке будут следить мои люди. Не вмешиваться.

«И мои тоже» – мысленно добавил Үнэгхан.

– А тетерь прощай. Это последняя беседа с тобой.

– Не знаю, не знаю, – последовал ответ.

Чингизу надо было искать удалённые земли, на которые можно было бы отселять людей, не воспринимающих новый порядок. Дав строителям задание обустроить Мухор до своего возвращения, Чингиз со своей группой двинулся по своим старым следам. Убедившись, что лагерь тибетца разбит в «законном» месте, он запланировал посёлок Бисен на расстоянии дневного пробега лошади от лагеря Попа Ивана. Потом повернул на юг и запланировал посёлки **Урда** (на юг!) и *Балкудук* (на монгольском языке **Бал-худук** – медовый колодец), после чего повернул к Волге, переправился через неё и направился в сторону Кавказских гор.

На Северном Кавказе Чингиз обнаружил, что кыпчаки занимают бедные растительностью полупустынные земли. В степи же, прилегающей к горам стал встречаться осёдлый народ, говоривший на непонятном языке. По трёхлепестковому символу он установил, что это относительно недавние пришельцы с Запада, о которых он слышал во время коммерческой операции в Европе, не воинственные, живущие сугубо своим трудом, имеющие договорные границы с соседями. Общество людей оказалось консолидированным, религиозно терпимым, с явно преобразованным языком. Реформатор насчитал в обнаруженном языке более пятидесяти различных звуков, что вдвое превышало количество звуков в других, известных ему языках.

«Надо запомнить это место, чтобы мои *отселенцы* не вздумали заселять землю в горах. Лучше назвать долину *долиной Маныч* – этот народ легко запомнит необычное название долины и не пропустит по ней моих *хальмгов*» – придумал находчивый реформатор. И он оказался прав. Западнее *долины Маныч* изобретательный народ основал *долину Яблонь (Мыекопъ)* которую стал охранять при появлении с востока воинственного незнакомого народа, стремившегося перебраться из пустыни в горы.

Концентрация людей на относительно небольшом, легко обороняемом пространстве, привело к образованию *поселения Мыекопъ*.

Вернувшись в *Сальские степи*, Чингиз приступил к агитационной работе среди кыпчаков и к определению мест строительства будущих посёлков для переселенцев из далёкого Хара-Хорина.

Зачем Чингизу потребовалось выводить кыпчаков из мест будущей Калмыкии? Занятие не только хлопотливое, но и непопулярное: кыпчакам в обмен предоставлялась часть монгольского кочевья. Можно было бы заселять и «свободные места». Таким способом: маленько потесниться – места всем хватит, на Северном Кавказе поселялись, и не раз, народы, могущие постоять за себя. А на этот счёт за ссылаемый контингент Чингиз мог не беспокоиться.

Но, похоже, как раз это и не устраивало его. Удалив местный народ, Чингиз лишал ссыльных возможности решать проблему выживания за счёт другого народа. Отсутствие местного населения внутри Калмыкии давало возможность **халимгам** поддерживать статус инкогнито.

Так или иначе, но Чингиз должен был разъяснять кыпчакам необходимость переселения. Реформатор запланировал справедливый обмен, то есть, число монгольских семей, покидавших Манги, должен был оказаться равным числу семей половцев прибывавших на далёкие Восточные Земли. И площади кочевий также должны быть сопоставимы. Один из центральных посёлков Калмыкии стал пунктом, в котором прибывающая монгольская семья отдавала казённого верблюда и получала конкретный район кочевья. А уезжающая семья кыпчака, явившись с пожитками, брала в аренду этого верблюда и индивидуальный пароль – порядковое числительное, которое, по прибытию в Манги, она называла монгольскому чиновнику, отбиравшего казённого верблюда и направлявшего гостя на территорию казахского кочевья.

Получив пароль, половец (кыпчак) мог спокойно, не торопясь пересекать своё половецкое кочевье, доверившись знанию верблюдом дороги. Но он мог и «задержаться» в Казахском кочевье, что чаще всего и происходило. Зачем ехать в неизвестность и отдавать там верблюда? Эти половцы заселили южную часть Степи, избежали мобилизации в армию Угэдэя и дали основу казахскому этносу.

Этим конечным пунктом переселения монголов и начальным, сборным пунктом кыпчаков, судя по всему, был современный посёлок *Утта* (так звучит на слух монгольское слово **Уутгай** – с мешками). Межконтинентальная дорога специального назначения, организованная Чингизом, получает название: **Хара-Хорин** – *Утта*.

При строительстве новых посёлков монголы нанимали рабочую силу из близлежащих районов, где говорили на тюркском языке, который уже начал дробиться на местные диалекты при переходе людей на осёдлый образ жизни. Но этот процесс шёл медленно из-за постоянного перемещения и активного товарообмена. Поэтому языковые барьеры были низкие и преодолевались без проблем.

V. До 1223 года

Завершение реформ

К завершающему шагу следует отнести установление доверительных отношений с Китаем. Для этой цели реформатор провёл 3 мероприятия:

Во-первых, закончил пристройку к Великой Китайской Стене солидного куска – **Чингиз Хана**, что в переводе означает: стена Чингиза. Стена Чингиза, потребовавшая колоссальных затрат, должна была свидетельствовать о дружелюбии к южному соседу.

Во-вторых, разрешил любому жителю Поднебесной выращивать **ногоон** (зелень) в столичных городах народностей Манги и свободно продавать **ногон бараа** (зелень-товар) в этих городах, что потребовало личного сопровождения чужих

коммерсантов. Таким образом, южный сосед всегда был осведомлён об общественной обстановке в **аймачных** центрах Монголии.

Слово **Аймаг** – образовано от глагола **ай** (остерегаться, бояться). Редкий случай, когда сохранилось русское значение слова *ай*.

В-третьих, ровно половину жителей Манги Чингиз переселил южнее Великой Стены. Этим он передал Поднебесной половину своих людей в качестве заложников.

VI. До 1227 года

1. В Последний путь

В начале 1224 года Чингиз навестил Борахчин-Хатун в её юрте, когда Угэдэй ещё не вернулся из грандиозного похода (Тибет ? – Средняя Азия – Персия – Кавказ – Приднепровье – Волжская Булгария), и заявил, что он, как бывший *Уполномоченный по её правам*, должен сообщить следующее:

– Тебе уже 24 года и прошло 12 лет с той поры, когда ты находилась под опекой. Первым опекуном был Поп Иван. Его сменила моя жена Бортэ, которая предложила тебе выйти замуж за хана Угэдэя, когда тебе исполнилось 13 лет. Ты согласилась. И хан Угэдэй и ты являетесь иностранцами и можете покинуть моё кочевье, если пожелаете. Вы оба относитесь к аристократическому классу, которого нет в Манги. Я прибыл, чтобы сообщить тебе то, что не может сказать тебе твой муж, хан Угэдэй.

Чингиз перевёл дыхание и сделал пару глотков ароматного китайского чая со своей стороны из общей чаши, стоявшей между ними. Потом взглянул на собеседницу. Молодая женщина, молча, ловила каждое его слово, а по участвовавшемуся дыханию можно было догадаться – у хана Угэдэя будет не лёгкий разговор со своей женой.

– В детстве ты была похищена людьми Попа Ивана, который держал тебя заложницей с целью выдачи замуж за меня. Я посетил твоих родителей, и они дали согласие на этот брак. Но в моей стране согласие на брак должна дать сама женщина и только после того, как ей исполнится 18 лет. На иностранцев этот закон не распространяется, чем и воспользовался хан Угэдэй, по совету моей жены Бортэ. Твой теперешний муж находится на службе у меня и у Попа Ивана. Но Поп Иван нарушил договорённости со мной, и я его сослал в далёкую страну **оросов** с помощью тамошнего князя Бориса. Через два – три года сыну твоего мужа от татарской жены, хану Батыю, исполнится 18 лет, и он будет объявлен Императором огромного государства. Хан Угэдэй и ты будете подчиняться Батыю. Но я не хочу терять твоего мужа, хорошо исполняющего службу в интересах монгольского народа, и выведу его из подчинения своему сыну, если вы оба не возражаете.

– Не возражаем, – ответила **Борахчин** за двоих.

– Завтра я выезжаю далеко на Запад и дам распоряжение запрещающее начинать боевые действия против Поднебесной ещё 12 лет. Это распоряжение передаст вам хан Батый задолго до начала военной операции. Сейчас армия твоего мужа участвует в боевых действиях на далёком Кавказе. К его армии, по моему распоряжению, приписан человек Китая, который посылает в Поднебесную

донесения обо всём, что видит и слышит. По его донесениям военный поход проходит у хана Угэдэя не должным образом, и его армия не может представлять серьёзной опасности для Китая. Когда же начнётся военная кампания, то пусть твой муж сменит своё имя на **Толуй (Холуй)**. Это имя не монгольское и его дал Борис, преданный ему друг. У твоего мужа 3 имени: первое от рождения, второе от меня и третье от друга. Если **Толуй** завоюет Китай и создаст новую династию, то пусть организует поставки шелка в Европейские страны напрямую, без посредников. Это обеспечит ему почет и процветание. Тебе тоже надо сменить своё имя на **Сорхахтани**. Что оно означает – мой секрет.

Чингиз изложил всё, что хотел сообщить **Борахчин** и стал не спеша отпивать чай, к которому собеседница практически не прикладывалась, желая продлить беседу. **Борахчин**, как и подобает будущей императрице, сидела отрешённо, анализируя полученную информацию. Затем взяла слово:

– Чингиз, я хочу получить от тебя ещё немного сведений.

– Спрашивай.

– Кто такой Борис?

– Зачем тебе это? – удивился Чингиз.

– Друг нашего друга и наш друг. Мы хотим породниться с ним и его страной.

Чингиз стал излагать всё, что знал о Борисе, о Москве и о России, выделяя привлекательные стороны в их описании, а собеседница внимательно слушала, не притрагиваясь к остывшему чаю.

Беседа окончилась в темноте, когда обе стороны перестали видеть лица друг друга – хозяйка не хотела зажигать огонь. Чингизу пришлось выбирать оставаться или уходить – он выбрал последнее.

А Борахчин всю ночь просидела за столом, ища выход для себя в надвигающейся катастрофе на её государство. В конце концов, она склонилась к авантюре: *на своих условиях фиктивно выйти замуж за Батыя*, а потом под удобным предлогом сбежать от него и вернуться к себе на родину.

2. Развязка

В июне 1224 года Чингиз появился во Владимире и поздно вечером тайно посетил Бориса. Он передал посылку Иван-чая и сказал:

– **Энэ хатаан Иван-цай ногоон өвс цэцэг** (это засушенные цветы травы *Иван-чая*). Иван-чай я дарю Попу Ивану, за его *«послушание»*. Мне надо съездить по делам. Через полгода - год вернусь – тогда поговорим.

Гость вышел за дверь и ускакал, оставив Бориса в полном недоумении.

Борис отвёз тюк сушеного иван-чая к своему шефу и, как уже не раз, понёс *околесу*:

– Какой-то человек в маске ночью поднял меня с постели. Говорил на непонятном языке – требовал Попа Ивана. Я отрицательно покачал головой. Тогда он бросил мне этот *тюк сена* и крикнул:

«Пусть *собака на сене* им подавится!»

– Я утром не поехал к тебе, а решил на себе испытать отвар из этого *сена*. Зельё мне понравилось. Забирай себе свой подарок.

– Я возьму, сколько мне надо, а остальное дарю тебе. Другим чай не передавай, – грозно приказал Москаль.

Борису пришлось отвезти подарок Чингиза назад во Владимир. Он назвал душистый чай *сеном*, потому что в приведённой монгольской фразе слово **өвс**, читается как *овес* и означает *сено* (сушеная трава).

«Куда бы пристроить *тюк* душистого чая? Мне Джучи говорил о коммерческой затее его отца в молодости. Надо будет поискать *страну дураков* (идиотов) и обменять *сено* на что-нибудь стоящее». **И Борис спрятал перспективный товар до подходящего случая.**

У Попа Ивана недоумение граничило с паникой. Он собрал **приспешников** и объявил:

– Все дела свёртываются – всем искать человека, забросившего в славянские княжества необычный чай. Опросить всех князей, кроме Бориса – его я беру на себя. Чтобы запомнить вкус и запах чая я вам приготовил целый чан этого необычного зелья. Попробовать всем – это мой приказ.

Сам Поп Иван в чаепитии не участвовал – он помнил, как по его приказу в душистую травку добавили несколько веточек с ядовитыми ягодками. В дальнейшем, в Сайхине, Поп Иван часто заваривал Иван-чай, но без цветов и плодов этого растения, распространённого и сейчас на татарских просторах Сибири, по берегам рек и родников.

Чингиз же, освободившись от груза и заставив Попа Ивана призадуматься о возможном появлении Халима или Хита порознь или вместе, направил своего коня в Константинополь, чтобы побеседовать с турецким чиновником - компаньоном в неудачной коммерции и заручиться его поддержкой в предстоящем очень опасном деле.

Но турок не поверил, что стоящий перед ним Тэмээ-джин и уже известный грозный повелитель Азии – одно и то же лицо. Единственно, на что он согласился – это сохранить для потомков любую записку, на любом языке, с любой подписью. Чингиз написал на двух языках, впервые в жизни изложив свои *заветы*, а именно, чем должны руководствоваться правители будущих поколений в своих делах. Он часто прерывался, выверяя каждое слово в историческом документе.

Под новый 1225 год Чингиз прибыл во Владимир. Он появился у Бориса также неожиданно, как и исчезал полгода назад:

– **Санбай нуу** (как жизнь?)

Борис открыл рот, но от неожиданности у него вылетели из головы все монгольские слова.

– Зачем прибыл? – Борис выдавил из себя пару русских слов.

– *Хочу разворошить змеюшник*, – ответил по-русски Чингиз заученной фразой.

К Борису медленно возвращался секретный язык. Через полчаса он справился с грамматическими особенностями монгольского языка, но спросил по-русски, отметив безупречное владение гостем русского языка:

– А как ты раздавишь змеиное гнездо? Я не прочь помочь тебе в этом благородном деле.

– Чтобы мы друг другу доверяли, ты должен мне ответить на все мои вопросы, а потом я тебе отвечу на все твои вопросы. Нам одной ночи хватит?

– Не хватит и трёх суток.

– Ладно, – улыбнулся Чингиз, – у меня времени много. Я приехал к тебе, на всю оставшуюся мне жизнь, если ты меня не выгонишь.

– Будь гостем, – обрадовался Борис, – У нас закон: «Утро вечера мудренее». Завтра, помолясь, приступим к разговору *по душам*.

Утром за иван-чаем Борис внёс пожелание:

– Я полагаю, что ты обо мне всё давно знаешь, и у тебя нет вопросов ко мне, а у меня много вопросов к тебе. Начну с главного:

– Какое прозвище дали тебе в детстве твои товарищи?

Чингиз вздрогнул – за всю жизнь никто не интересовался его прозвищем в детстве:

– **Бат, Бад энэ хот багаа юм** (Бат, Бад – это означает *город*).

– **Хэдний хот** (какой город), – Борис перешёл на монгольский язык.

– **Тууний нэрийг Ашхабад гэдэг...** (его называют *Ашхабад...*).

Борис рассмеялся:

– Там у всех задницы, или только у некоторых?

– **Нэрийн утга Бортэ бодож олже** (Это же Бортэ придумала такое название!), Мой родной город *Бад (город)*, а не *Ашхабад*!

Борис прикусил язык – он не только перебил старшего по возрасту, но и съязвил насчёт родного города *Чингисхаа*.

– Надо прерваться, а то у меня будет каша в голове, – Хозяину требовалось время для переосмысливания сложившихся стереотипов.

Небольшими дозами в течении нескольких месяцев Борис впитывал необычные сведения. Пытливый ум прочно фиксировал информацию, а Борис всё спрашивал и спрашивал.... Ему открылась невиданная действительность, которую невозможно воспринять, находясь вне её. Он окунулся с головой в мираж, и далёкий мир встал перед его глазами во всей своей суровой действительности, одновременно маня и дразня, и говоря почти вслух:

– А ты так сможешь жить? *Или кишка тонка?*

Борис забывал спросить о цели приезда Чингиза, а гость терпеливо ждал, когда схлынет бесконечный поток неожиданных вопросов, теряя драгоценное время. Прошла осень, наступила зима и трескучие декабрьские морозы сковали все водоёмы русских княжеств.

Борис занялся хозяйственными делами и перестал обращаться к Чингизу с вопросами. Вопросы ещё оставались, их Борис задавал сам себе и находил на них, как ему казалось, правильные ответы, перелопачивая, полученную от гостя информацию. Через 3 дня молчания гость не выдержал:

– Может, спросишь меня, что мне от тебя надо?

– Ты приехал в гости к человеку, который не сможет решить ни одной твоей проблемы, – с уверенностью заявил Борис, – но ежели есть проблема, то говори. Обещаю помочь всем, чем смогу.

– Не торопись обещать – может духа у тебя не хватит. Лучше я завтра, на свежую голову, начну излагать свой план, *как раздавить змеиное гнездо*, – Чингиз напомнил Борису его слова, сказанные полтора года назад.

Как и любой план, реформатор излагал мероприятия строго по времени их осуществления.

– Я пойду пешком в Москву, приобрету там собачку и назову её Моска. Ты скажешь мне, где проживает Поп Иван - *Моска*, и я *сниму угол* вблизи этого места. Каждый день я буду ходить около дома Моски и звать свою собачку:

– Моска, Моска, Моска, а детвора будет дразнить меня этим словом.

– От сравнения с собакой, а *Москаль*, как ты мне говорил, относит себя к *партии котов*, он дойдёт до бешенства и захочет поговорить со мной, но я давно дал слово не разговаривать с ним. Он назначит вечернюю встречу, где-нибудь на берегу реки Москва, но я не буду туда приходить, и ему придётся послать ко мне своего *приспешника*. Я поговорю с *приспешником* и скажу ему, что вместо меня будешь ты. *Приспешник* сообщит тебе время и место тайного свидания.

– Как приедешь в Москву, то сообщишь, куда мне идти, и поедешь на условленное место. Поп Иван спросит, зачем ты явился. Ты скажи, что почувствовал что-то неладное. Потом появлюсь я, и Поп Иван начнёт мне что-то говорить, а я буду молчать. Тогда ты скажешь, что Чингисхан будет общаться только на французском языке и только с тобой – Чингизхан за себя, а ты – за Москаля. На французском языке я знаю только *бонжур*.

– Ты обратишься ко мне – *санбануу* (здравствуй); я отвечу – *бонжур элита* (с палачём). Ты скажешь – *дуэль* (*Ди эль* – ты ничтожество); я отвечу – *комм-пли-мент* (подойди выстрели в меня). Ты скажешь Попу Ивану, что Чингисхан требует, чтобы его убили. Москаль захочет уйти, а ты скажешь, что по законам *дуэли* должен быть *секундант* (свидетель), который раздаёт *рыцарям* луки и стрелы. Москаль заявит об отсутствии у него оружия, а ты подай ему заранее припасенные луки, стрелы и яд, добытый у Ярослава. Попроси Попа Ивана обработать одну стрелу ядом и раздать оружие нам. Я понюхаю стрелу и, если она не пахнет ядом, попрошу тебя поменяться стрелами. Через минуту снова поменяемся стрелами. Затем я повторю:

– *Комплимент* (подойди, выстрели в меня),
и ты выстрелишь из лука.

Чингиз взглянул на Бориса – тот плакал. *Оратор* встал и ушёл к себе в комнату.

На следующий день Чингиз рассказал об обстоятельствах, толкнувших его на такой способ ликвидации змеиного гнезда:

– У лам иное отношение к смерти, чем у обычных людей. Они придерживаются принципа *перевоплощения*. Суть этого принципа в том, что душа переселяется из обречённого тела в другое существо. Если погибает другое существо, то душа переселяется в третье – душа бессмертна. В моём кочевье душа не может поселиться в домашний скот, поэтому мясо домашних животных монголы употребляют в пищу. Получить смерть из рук друзей, у лам не осуждается. Что-то подобное было у южных славян. При защите обречённой крепости славяне предпочитали убивать друг друга, а не позволять противнику пытаться, а затем казнить несговорчивых защитников.

– У Ярослава заранее возьми одну веточку и много смолы. – яд находится, главным образом, в смоле и в ягодах. Я, как получу стрелу с ядом, буду долго её нюхать, чтобы получить смертельную дозу. Ты стреляй без оглядки – я буду обречён. Мне главное получить смерть из твоих рук. *Надеюсь, что моя душа переселится к тебе*.

– В Москве не *засветись* – никто не должен тебя видеть. После поединка, не заезжая в Москву, возвращайся во Владимир и будь там на трети сутки.

Всё шло по плану реформатора с небольшими отклонениями. Так детвора не стала дразнить Попа Ивана: *Моська, моська*, а, соблюдая безопасное расстояние, кричала:

– Москаль, москаль, выскаль зубы.

Борис выполнил все указания гостя и прибыл на секретное место, где обнаружил удивлённого Попа Ивана, которому свидетели были не нужны. Вскоре прибыл и Чингиз со своей Моськой и с едой для собаки. Всё происходило по плану Чингиза до второго заявления: *комплимент*. Москаль не захотел присутствовать на *дуэли*, а, взяв косточки, увёл Моську *с глаз долой*.

Это позволило Борису преодолеть внутреннее сопротивление и выстрелить в живую мишень. Он попал *сопернику* в колено и Чингиз упал. Бросив лук, Борис бежал в лес без оглядки, потом вспомнил про коня, но чтобы найти поляну, на которой он привязал четвероногого друга, надо было вернуться на дорогу, петлявшую вдоль реки Москва.

Поп Иван решил покинуть секретное место и двинулся в Москву, но его остановил вой Моськи:

«Проклятая собака, она привлечёт людей – надо что-то сделать».

Найдя увесистую палку, Поп Иван вернулся к воющей собаке и взмахнул дубинкой. Но Моська отскочила и уставилась на человека. Потеряв самообладание, Москаль запустил дубинкой в вёрткую собачку. А затем попытался забить её камнями. Поняв бессмысленность затеи, великий авантюрист пробил прорубь в Москва-реке, притащил и столкнул под лёд ещё живого Чингиза, а потом ушёл к себе домой и стал готовиться к предстоящему разбирательству, которое ему представлялось безопасным для него.

Вой собаки остановил и Бориса. Он повернул коня назад, не отдавая отчёта в своём решении. Прибыл к месту дуэли, когда Поп Иван тащил Чингиза к проруби. Здравый смысл возобладал над желанием немедленной мести, и дуэлянт снова повернул коня, выполняя указание Чингиза – к утру на третьи сутки быть во Владимире.

Борис появился у Юрия с полными ужаса глазами и заявил с порога:

– В Москве произошло чудовищное преступление, и теперь ты сможешь раздавить Попа Ивана, как вредное насекомое. Дело было так...

– Неважно как было дело. Пусть оно станет твоей очередной тайной. Сочини легенду, по которой мой брат не был бы соучастником этого преступления.

– Спасибо брат. Я обо всём узнал от приспешника, который приехал во Владимир и доложил мне, что Поп Иван казнил одного из приспешников, а труп спустил в прорубь.

– За это он ответит по всей строгости, – заявил Юрий и объявил сбор своей дружине.

В Москве князю сообщили о воющей у проруби собаке.

Дружинники съездили к воющей собаке, изловили её и доставили князю.

– Что с ней делать?

– Отпустите и не спускайте с неё глаз.

Моську отпустили. Она побежала, опережая сопровождающих людей, и скрылась из глаз.

– Где искать собаку? – спросили дружинники.

– Проверьте сначала дом Попа Ивана, – посоветовал Юрий.

Дружинники ворвались в дом и застали душегуба за очередным злодеянием – Москаль душил Моську.

Подоспевший князь Юрий приказал:

– Душегуба заковать в кандалы – он опасен для общества людей. Завтра учиню ему дознание.

Князья на Руси были скоры на расправу, и князь Юрий не был исключением. Но делу надо было придать «законный толк» и дружина повела закованного Попа Ивана на место преступления. Один из дружинников узнал в Москале преступника *Попа Ивана*, которого дружина князя Юрия сторожила в Дружном. Об этом он доложил удивлённому князю Юрию, и тот попросил дружинника *немного подсобить*.

Поп Иван твердил на монголо-русском языке свою версию всего произошедшего. Он часто повторял вышеприведённые слова, ставшие в последствие *французскими*, и показывал на прорубь.

– Пойди и проверь, что там, – приказал Юрий осведомлённому дружиннику.

– Братцы, там ниже по течению, кто-то сидит и зовёт к себе, – закричал тот, прильнув к воде.

Такое заявление нагнало на всех суеверный страх, и никто не сдвинулся с места. К дружиннику подошел закованный Поп Иван и усталился на воду:

– Что?

– Надо нагнуться к воде и присмотреться, как я, – посоветовал дружинник, давая знак присесть. Москаль нагнулся и присел. Дружиннику осталось только *немного подсобить* и направить Попа Ивана под лёд, приговаривая:

– Рыба-кит позвала к себе свою рыбку.

– Это Москаль, – объявил Юрий дружинникам, спокойно наблюдавшим за казнью человека известного в Москве, но не во Владимире, – Он душегуб и задушил много невинных душ. Может, и смерть моего брата Константина на его совести, но доказать это не удалось. А на Моське Москаль *прокололся* – она оказалась изворотливой как Москаль. Ай да Моська!

– *Ай да Моська!* – восторженно закричали дружинники.

– Чем тебя отблагодарить? – спросил князь Юрий у дружинника, взявшегося *подсобить*.

– Подари мне Моську – всегда мечтал иметь умную собачку!

– Бери, – разрешил князь.

Дружинник ловко смастерил ошейник, привязал к нему веревку, конец которой приторочил к седлу. В дороге дружинник не переставал приговаривать «Ай да Моська». Когда проезжали Москву, за дружинниками бежала ватага ребятишек:

– Куда уводите нашу Моську? – кричали они.

– Во Владимир, – ответил дружинник.

– Что говорит дружинник? – спросил один прохожий у другого.

– *Айда Моська во Владимир*, – ответил тот.

Новое мнение о Попе Иване сложилось у Бориса, который Москаля назвал *вшой*:

в *Arsch* → *Vaui* → *шав* → *вшя*

Толкователи отнесли *шав* сначала к шавке, а потом к моське, а *вшу* к вредному насекомому, но никто не задался вопросом: *айда* – это глагол или наречие?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Словарь выделенных слов

- Адвокат** – состоит из трёх слов: ад (конец дороги) + в + хата. Они расположены по монгольской грамматике: предлог стоит после существительного, а определяющее слово стоит в конце. **Адвокат** – хата в конце дороги.
- Бор** – смуглый. **Бортээ** – *своей смуглянке*. **Бортэй** – 1. со смуглым; 2. Бортэ. Auf **Borg** – *взятый на прокат*.
- Вааран** – в форме вазы. **Варан** – гигантская ящерица (с ней сравнивала себя Мария).
- Вердикт** – от wer (кто) Dike (греческая богиня справедливости).
- Гэр** – монгольская юрта. **Гэрт** – в юрте. **Гэр бүл** – семья (все, проживающие в гэр). **Манайх** – семья по родству.
- Дикарь** – образовано от Dicke (толстяк). **Дикарь** – (статья) толстяком.
- Интрига** – образовано от: in 3 xi.
- Казах, казак** – образованы от «к аз ах». Старорусское аз (я) ещё употреблялось в разговорной речи. Князь Юрий, отправляя *дружинников в Дружный*, повелевал: «К Аз ах!», что означало: Езжай туда, где говорят: «Я – старший брат» (шутка Бориса). Где находится Дружный, и существует ли он вообще – никто на Руси не знал.
- Каникулы** – образовано от ханих хүлэ (жду чистить от сажи). **Би та ханих хүлэ** означает *я вас жду очистить от сажи*. Глагол **хан-** (чистить от сажи) Мария образовала от имени **Хан**, которым чаще всего называла своего мужа.
- Карманные** расходы – от хар Mann (чёрный человек). означает *расходы на черномазого (ребёнка)*.
- Меринос** – от mehg и нос (и ноос), то есть, больше и нос и шерсть. Точнее, более длинная морда и больше даёт шерсти.
- Комиссия** – возможно: «к миссии».
- Монастырь** – от моно штырь (об ограде монастырей на Тибете).
- Настоятель** – Изготовитель *настояев*.
- Орнамент** – монголо-русско-немецкое **Ор** на Mentor (*страна на вожде*).
- Преданная подруга** – надо понимать как *переданная под друга*.
- Поп Иван** – шифрованная фраза: *по ти ван* (что ро, что рі – одинаково).
- Сановник** – (от сана- 1. размышлять, 2. вспоминать, 3. планировать, 4. тосковать)
- Сум** – сомон (suom), административная единица район Монголии – образовано от Summe (сумма).
- Та** – ты, Вы. **Та нар** – вы.
- Тээ-** – перевозить багажом.
- Тмутаракань** (русско-немецко-монгольское предложение, образованное от «тм у Tara Khan-ии»), слово, которое, при определённом подходе, следует понимать как *свои 10 000 колонизаторов*.
- Тюк** – от южно-Российского *тю!* (знак крайнего удивления).
- Урал** – *на юг* (в прямом смысле); а в переносном – *к прогрессу*.
- Эйфория** – ?

Дополнения:

1. К разделу Лукоморье:

После: Получив пароль, половец (кыпчак) мог спокойно, не торопясь пересекать своё половецкое кочевье, доверившись знанию верблюдом дороги.

Добавляется: Но он мог и «задержаться» в Казахском кочевье, что чаще всего и происходило. Зачем ехать в неизвестность и отдавать там верблюда? Эти половцы заселили южную часть Степи, избежали мобилизации в армию Угэдэя и дали основу казахскому этносу.

2. К словарю:

Казах, казак – образованы от «*к аз ах*». Старорусское *аз* (я) ещё употреблялось в разговорной речи. Князь Юрий, отправляя *дружинников в Дружный*, повелевал: «К Аз ах!», что означало: Езжай туда, где говорят: «Я – старший брат» (шутка Бориса). Где находится Дружный, и существует ли он вообще – никто на Руси не знал.